
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ.

Очерки.

I. *Письмо отъ Ѳедора Яковлича и первое мое путешествіе на Воробьевы Горы.*

Около половины іюня такого-то года, живши въ деревнѣ, я получилъ изъ Москвы письмо отъ пріятеля моего Ѳедора Яковлича. Письмо было слѣдующаго содержанія:

»Воробьевы Горы.
Іюня 10, 18 .. года.«

»Извини меня, любезнѣйшій Петръ Иванычъ, что долго не отвѣчалъ на твое письмо. Въ свое оправданіе я могъ бы конечно сказать: »дѣла!« по этой избитой отговоркѣ ты, разумѣется, не повѣришь. Такъ ужь лучше всего сознаться откровенно, что причиной моего молчанія была просто лѣнь и то, что̀ русскій человѣкъ называетъ многозначительнымъ словомъ *авось*, которое—сказать мимоходомъ— на дѣлѣ-то ровно ничего не значитъ и рѣшительно никуда не годится... Не далеко сказать, вотъ хоть бы и служба: нашему брату чѣмъ и жить, какъ не служить? И—хлопочи я, вставай пораньше, да ложись попозже, похаживай къ хорошимъ людямъ, да не гляди на нихъ медвѣдемъ-то, – можетъ быть, служилъ бы ужь гдѣ-нибудь и жалованье бы получалъ. А то сижу склавши руки, въ надеждѣ, что авось дескать мѣсто-то само придетъ, анъ вотъ и не приходитъ, а я все такъ и болтаюсь. А находчивый, изворотливый человѣкъ, особенно при моемъ-то знакомствѣ, такое бы мѣстечко подцѣпилъ, что ахнулъ бы! Вотъ и однокашники наши, Шпилькинъ да Перепелкинъ, вѣдь вмѣстѣ съ нами кончили курсъ въ *высшемъ-то* учебномъ заведеніи: ну, что̀ въ нихъ (сказать между нами), самъ посуди? Просто—вѣетъ вѣтерокъ, а ужь почти при мѣстахъ. Шпилькинъ третій мѣсяцъ ходитъ въ какую-то канцелярію, а Перепелкинъ поступаетъ въ палату, а въ какую—и не знаю право; знаю только, что поступаетъ. А мы съ тобой—что? Считались народомъ довольно дѣльнымъ, а на дѣлѣ-то выходимъ — тюфяки! Еще ты нешто̀, — худо ли, добро ли, живешь на урокахъ, все у тебя готово.... А я!.. я, право, хорошенько и не знаю, какъ еще—выражаясь элегически— влачится мое жалкое существованіе.

Изъ эпиграфа ты видишь, что я живу на Воробьевыхъ Горахъ, т. е. *на дачѣ*. Переселился я изъ Москвы на Воробьевы Горы не совсѣмъ-то обыкновеннымъ образомъ, не какъ иные прочіе, и, благо

теперь въ ударѣ, пожалуй разскажу тебѣ всю исторію моего переселенія.

Въ Москвѣ жилъ я, какъ ты знаешь, у Анны Максимовны.... О нравственныхъ качествахъ этой превосходной дамы распространяться нечего. Одно слово *добрѣйшая* вполнѣ характеризуетъ ее. Такъ вотъ-съ, Анна Максимовна и возымѣла свои причины перебраться на нынѣшнее лѣто на Воробьевы Горы. Мнѣ, очевидно, приходилось или разстаться съ ея квартиркой, или.... Я туда-сюда, вертѣлся, вертѣлся, а денегъ нѣтъ и нѣтъ. — Въ одно прекрасное майское утро Анна Максимовна и говоритъ мнѣ: »ну, Ѳедоръ Яковличъ, не поминайте насъ лихомъ; теперь мы должны разстаться.« У меня сердце такъ и обмерло! Говоря другими словами, я долженъ былъ отдать Аннѣ Максимовнѣ деньги за квартиру, да и съ Богомъ — на всѣ четыре стороны. Положеніе — нельзя сказать, чтобы слишкомъ завидное, когда хвать въ карманъ, анъ—дыра въ горсти.—Какъ тутъ быть? Извѣстное дѣло: богатый на деньги, а голь на выдумки. »Анна Максимовна, говорю, — я такъ привыкъ къ вамъ.... вы были такъ добры, ласковы ко мнѣ.... у васъ такъ было спокойно.... Неужели мнѣ такъ-таки непремѣнно суждено разстаться съ вами?«.... Анна Максимовна, замѣтно, была очень довольна и моимъ смиреннымъ сознаніемъ ея великихъ добродѣтелей и моимъ краснорѣчіемъ, тѣмъ болѣе, что я вообще, какъ знаешь, не слишкомъ-то разговорчивъ.— »Что же дѣлать-то, Ѳедоръ Яковличъ? сказала она самымъ трогательнымъ голосомъ:— и намъ жаль разстаться съ вами, да какъ же быть-то? — Развѣ и вы съ нами на Воробьевку?« шутя прибавила она. А я, признаться, не шутя подумывалъ ужь объ этомъ. — »Отъ чего же бы и не такъ, Анна Максимовна, — вѣдь мнѣ совершенно все равно, гдѣ ни жить«.... — Вы шутите, Ѳедоръ Яковличъ; какъ вамъ на Воробьевку — на такую даль! Соскучитесь. — »Э, полноте, Анна Максимовна, что за скука? Скучно, кому дѣлать нечего; и ужь если скучно, такъ скучно и въ Москвѣ все равно.« — Да вѣдь тамъ для васъ не будетъ особеннаго-то покоя; негдѣ вамъ помѣститься-то. — Я задумался, но не надолго. Вдругъ свѣтлая мысль мелькнула у меня въ головѣ, и я едва не привскочилъ на стулѣ отъ радости.— »Знаете что, Анна Максимовна, говорю ей: — на Воробьевкѣ я отыщу гдѣ-нибудь да и найму комнатку безъ стола, а обѣдать-то буду къ вамъ ходить«....—Анна, Максимовна, должно быть, смекнула, отъ чего мнѣ такъ не хотѣлось разстаться съ нею, потому что хотя едва замѣтно, но многозначительно улыбнулась.—»Что же?

и прекрасно, — поспѣшно сказала она, стараясь скрыть отъ меня предательскую улыбку: — мы все-таки, какъ будто, не разстанемся и на лѣто-то; а тамъ, Богъ дастъ, къ осени опять вмѣстѣ переберемся въ Москву. Такъ подите-ка да поищите квартирки-то.« — Сказано — сдѣлано. Я тотчасъ же отправился на Воробьевку, отыскалъ квартиру, да на другой день и перебрался. И вотъ, волей-неволей, очутился я на дачѣ.... Сначала какъ-то ужасно было дико и совѣстно.... Такъ и кажется, будто всѣ знаютъ, что̀ загнало меня на Воробьевку.... Особенно каждодневное, регулярное хожденіе, всегда въ одно и то же время, къ Аннѣ Максимовнѣ обѣдать!... Какъ иду я, такъ мнѣ и думается, что всѣ свѣряютъ часы.... А когда дождь, грязь, — ужь и говорить нечего, до какой степени пріятно такое путешествіе! Въ такомъ случаѣ я иногда вовсе не хожу обѣдать, а сижу дома и довольствуюсь сухоядѣніемъ.

Прочитавши это, ты, разумѣется, поймешь, что моя жизнь *на дачѣ* далеко не имѣетъ тѣхъ пріятностей, какія обыкновенно соединяются съ понятіемъ о дачной жизни. Но дѣлать нечего! Saeva necessitas! Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы здѣсь было слишкомъ скучно; грѣхъ сказать, чтобъ и я все скучалъ и только скучалъ. Въ хорошую погоду пріѣзжаютъ и приходятъ сюда изъ Москвы гуляющіе обоего пола и всякаго сословія; каждый Божій день слышишь здѣсь, болѣе или менѣе, пронзительные звуки разбитой шарманки, очень часто визжанье пьянаго кларнета и нерѣдко — уродливое пѣніе бродячей примадонны съ тріугольникомъ. Для деревни все это, разумѣется, сносно, и я ко всему этому попривыкъ....

Хозяева у меня — ничего, такъ себѣ. Прежде, говорятъ, были богаты, но, вслѣдствіе превратностей судьбы, прогорѣли и теперь *поправляютъ дѣла*.... Знакомство мое съ ними ограничивается пока только еще *поклонами*.

На дняхъ поселилась около меня довольно интересная сосѣдка, мамзель Элиза, Лизавета Ѳедоровна тожь, брюнетка лѣтъ шестнадцати, или семнадцати.... Неотразимая сила черныхъ, какъ.... ну хоть какъ осенняя ночь, глазъ, чуть-чуть не перевернула вверхъ дномъ всю мою философію.... Мамзель Элиза живетъ здѣсь съ матерью-старушкой и маленькой сестрой. Женское царство! Я завелъ съ ними шапочное знакомство, но пока — и только! Есть, разумѣется, и еще сосѣди и сосѣдки, но я почти ни съ кѣмъ изъ нихъ не знакомъ. Дома черезъ три отъ меня живетъ какой-то довольно пожилой актеръ, должно быть, не понятый публикой.... Разъ я шелъ мимо его квартиры, а онъ

сидѣлъ у дома на скамейкѣ и разсуждалъ о московскихъ театральныхъ знаменитостяхъ.. Мнѣ удалось подслушать нѣсколько фразъ на счетъ нашихъ заслуженныхъ артистовъ, будто бы они не совсѣмъ понимаютъ свои роли...., а такъ, удалось имъ только пріобрѣсть авторитетъ...., что публика смотритъ не на игру, а на то, кто играетъ.... Мнѣ захотѣлось узнать поближе этого цѣнителя любимцевъ московской публики, и я развѣдалъ стороной, что г. N. играетъ на сценѣ не больше двухъ разъ въ годъ, — что, — хотя часто даютъ ему *учить* роли, — но только что онъ выучитъ и придетъ на репетицію, ему объявляютъ, что эту роль будетъ играть другой такой-то, — что, однимъ словомъ, онъ держится при театрѣ потому только, что надо же человѣку гдѣ-нибудь и за что-нибудь держаться, чтобъ не свалиться съ земнаго шара.

Черезъ домъ отъ меня живутъ двое учителей, — не знаю, изъ какого заведенія. Одинъ изъ нихъ очень высокаго, а другой очень малаго роста; одинъ имѣетъ очень блѣдный, а другой очень красный цвѣтъ лица, одинъ куритъ и трубку и сигары и папиросы, а другой ничего не куритъ, но оба сходятся въ томъ, что каждый день въ семь или восемь часовъ утра регулярно ходятъ купаться; потомъ опять купаются часу во второмъ, и наконецъ вечеромъ часовъ въ семь, — передъ вечернимъ чаемъ.

Еще недалеко отъ меня живутъ двое чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ лѣтъ около 30, а другой, должно быть, не съ большимъ 20. Одинъ почти постоянно сидитъ дома и на свѣтъ Божій показывается иногда только по вечерамъ, въ халатѣ, прикрытомъ шинелью, неумытый, небритый, нечесанный. Другой почти никогда не сидитъ дома, а большею частію гуляетъ, всегда прилично одѣтый, причесанный, раздушенный. Первый что-то постоянно сочиняетъ или переводитъ съ какого-то языка; другой ничего не пишетъ, ни сочиняетъ, ни переводитъ. Первый, постоянно пишущій, почти никогда ничего не говоритъ, за то другой, ничего не пишущій, чрезвычайно словохотенъ. Оба сходятся въ томъ, что курятъ общій табакъ, общія сигары, держатъ общій столъ, общій чай, и служатъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ.

Есть еще двѣ сосѣдки молоденькія, но нельзя сказать, чтобы хорошенькія. Одна довольно еще свѣжа, за то ряба, другая не ряба, за то суха, какъ... какъ я не знаю что. О домашней ихъ жизни слышалъ я стороной только то, что онѣ иногда кутятъ на пропалую,—накупятъ варенья, конфетовъ, сухарей, кофею и проч., а иногда по нѣскольку

дней питаются чѣмъ Богъ послалъ, сами себѣ готовятъ кушанье, сами себѣ моютъ все, что̀ моется и пр., что къ нимъ раза по два въ недѣлю пріѣзжаютъ двое какихъ-то служащихъ не молодыхъ лѣтъ....

Вообще ясно, что мои сосѣди не далеко, что̀ называется, отъ меня уѣхали; безъ всякаго самолюбія можно, кажется, сказать, что *я — одного съ ними поля ягода.*

Новаго здѣсь ничего, кромѣ безпрестанныхъ загородныхъ гуляній, на которыхъ я никогда не бывалъ, но о которыхъ знаю изъ полицейскихъ вѣдомостей. Не понимаю, когда москвичи успѣваютъ заниматься дѣлами! Вообрази себѣ, каждый Божій день бываетъ по нѣскольку объявленій о гуляньяхъ то въ Сокольникахъ, то въ Паркѣ, то въ Марьиной рощѣ, то вдругъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ, и вездѣ — концерты, фейерверки! Погода въ настоящую минуту очень хороша. Вечерній вѣтерокъ навѣваетъ ко мнѣ въ окно пріятный запахъ вишень, яблонь, малины, смородины...., которыя теперь въ полномъ цвѣту.

Скоро ли ты развяжешься съ деревней? Пріѣзжай, да прямо и ко мнѣ, — вдвоемъ мы славно заживемъ!

Больше писать нечего, — письмо и то страшно-длинно. Да впрочемъ и некогда.... Подъ окномъ я слышу пріятный голосокъ моей дачной сосѣдки, — она вышла погулять.... Пойду и я, пройдусь немножко.... Прощай!«

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого письма кончились мои занятія въ деревнѣ, и въ первыхъ числахъ іюля рано утромъ я былъ уже въ Москвѣ.

Отдохнувши часъ-другой съ дороги, я побывалъ въ городѣ, закупилъ кой-чего, и въ тотъ же день вздумалъ отправиться на Воробьевы Горы, тѣмъ болѣе, что погода, бывшая до тѣхъ поръ чрезвычайно дурною, какъ будто немножко разгулялась. Я взялъ извощика, сѣлъ да и поѣхалъ. Но только что доѣхали мы до Зубовскаго бульвара, дождь, словно на зло, полилъ какъ изъ ведра. Понадѣявшись на вёдро, я не счелъ нужнымъ взять даже и зонтика. За то и досталось мнѣ! Я просто бѣсновался, бранилъ Воробьевы Горы, Ѳедора Яковлича, дождь, самого себя, весь свѣтъ, и ожесточился до того, что на зло рѣшился, во что бы то ни стало, добиться таки до Воробьевыхъ Горъ.

Проѣхали Новодѣвичій монастырь.

— Ну, баринъ, здѣсь ужь какъ вашей милости будетъ угодно, я ссажу васъ, сказалъ сгорбившійся возница.

— Да вѣдь ты нанялся до самой рѣки?

— Что дѣлать-то, баринъ! Никакъ нельзя; лошаденка и то умаялась совсѣмъ. Ишь сердечная, животъ-атъ у ней такъ ходуномъ и ходитъ. А таматки вонъ она дорога-то какая! Завязнешь совсѣмъ, не вытащишься. Вашей милости вѣдь ужь все едино, — хоша и поѣдете, суше-то не будете. До рѣки отсюдова всего шаговъ сорокъ какихъ-нибудь; у самыхъ Лужничковъ — тутъ и есть перевозъ-атъ. Ужь будь отецъ родной, а то и лошаденка-то, и калиберъ-атъ....

Дѣлать нечего. Резонно. Сошелъ я съ калибера, отдалъ извощику деньги, и, на волю Божiю, пустился въ направленiи къ Лужникамъ... Тутъ-то, признаюсь, началъ я — въ буквальномъ смыслѣ — мѣсить грязь. Шагъ впередъ, да два назадъ. Не видя ни за собой, ни передъ собой ничего, кромѣ грязи и воды, воды и грязи, шелъ я какъ будто машинально и насилу дотащился по перевоза.

»Ну теперь слава Богу, подумалъ я, усѣвшись въ лодку, — теперь не далеко.« И досада моя поугомонилась.

Считаю нужнымъ предупредить читателей, что въ эту достопамятную для меня минуту я отъ роду въ первый разъ имѣлъ удовольствiе путешествовать на Воробьевы Горы. Потому полюбопытствовалъ узнать отъ перевощика, хорошъ ли всходъ на гору.

— Ну ужь, баринъ, не знаю, взберетесь ли вы, сказалъ мнѣ онъ, флегматически работая веслами. — Въ хорошую-то погоду нештò, хорошо-таки, а сегодня... тово... Развѣ ужь вамъ больно нужно?

Досада снова овладѣла мной; я ничего не отвѣчалъ перевощику, и только бросилъ на Воробьевы Горы взглядъ глубокаго негодованiя.

Но вотъ мы переѣхали черезъ Москву-рѣку, и я пошелъ въ гору по торной тропинкѣ. Я ужь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ перевощикъ крикнулъ мнѣ изъ лодки. Я оглянулся, — перевощикъ ухмылялся самымъ добродушнымъ образомъ.

— Вѣдь тутъ вы, баринъ, не взойдете, сказалъ мнѣ онъ.

— Гдѣ же взойду?

— Да ужь я и не знаю.... Развѣ вотъ пойдете вправо-то, тутъ будетъ не такъ скользко. — А то ономнясь одинъ тоже баринъ, въ этой же бѣлой шляпѣ, какъ у васъ, добрался ужь до половины горы, да оттедова кубаремъ такъ и скатился. Покопалъ только носомъ воробьевскаго песку, да и поплелся опять въ Москву....

И остроумной перевощикъ залился самымъ добродушнымъ хохотомъ. Мнѣ было не до смѣха. — Однакожь, вѣдь ужь за одно, сказалъ я самъ себѣ: — скачусь, такъ скачусь, а можетъ быть и добе-

русь какъ-нибудь. Авось!—И съ ожесточенной рѣшимостію пустился я по указанному перевощикомъ направленію.

Тропинка узкая - преузкая, которой съ перваго взгляда нельзя подозрѣвать и самаго существованія, лежитъ вправо отъ перевоза и отъ обыкновеннаго всхода на гору, и, промежь кустовъ ивняка и орѣшника, покрывающихъ Воробьевы Горы почти вплоть отъ подошвы до вершины,—тянется такими зигзагами, что и въ хорошую, въ сухую погоду, взойдти по ней не шутка. Съ низу до верху Воробьевы Горы состоятъ изъ песку и глины, изъ глины и песку. По свойству этой почвы, онѣ также скоро способны высыхать, какъ и напитываться водою, т. е. превращаться въ непроходимую грязь. Я не шелъ, а ползъ въ буквальномъ смыслѣ, цѣпляясь руками то за кусты хлеставшаго мнѣ въ лице ивняка, то за траву, и упасть мнѣ, благодаря судьбѣ или моей осторожности, удалось не болѣе пяти разъ. Вода текла съ меня ручьями; на ногахъ висѣли какъ будто пудовыя тяжести....

Послѣ неимовѣрныхъ усилій, поднялся я наконецъ на гору, и очутился возлѣ церкви. Легко понять, сколько я былъ радъ одержанной мною побѣдѣ надъ всѣми ужасами дождя и непогоды! Пробираясь около ограды, добрелъ я до какого-то дома, и черезъ растворенный дворъ вышелъ на улицу.

Идя по улицѣ, я не знаю кого-то спросилъ, гдѣ живетъ Ѳедоръ Яковличъ С...., и сказалъ эти слова такъ громко, такимъ гнѣвнымъ голосомъ, что меня, вѣроятно, сочли за бѣшенаго, и не отвѣчали ни слова.

Къ счастью, въ ту же почти минуту, въ одномъ изъ маленькихъ домовъ, насупротивъ меня, открылось окно, и оттуда я услышалъ знакомый голосъ, произнесшій мое имя. Я туда со всѣхъ ногъ, и бѣжалъ, надо отдать честь, съ такой скоростью, какой вовсе не ожидалъ отъ себя послѣ такого несчастнаго путешествія. Поздоровавшись на скорую руку съ Ѳедоромъ Яковличемъ, я сбросилъ съ себя все мокрое и надѣлъ все сухое, что̀ только нашлось у моего, весьма радушнаго, но не слишкомъ-то запасливаго, хозяина. Ѳедоръ Яковличъ похлопоталъ о самоварѣ, и черезъ четверть часа какая-то женская фигура принесла намъ самоваръ.

И вотъ, я сижу около самовара, одѣтый въ какой-то безъименный костюмъ, — сижу и наслаждаюсь, какъ не наслаждался, я думаю, еще ни одинъ епикуреецъ ни древняго, ни новаго міра!

Выпивши стаканчикъ другой чая, и, вслѣдствіе того, возвра-

тившись къ болѣе мирному расположенію духа, я принялся за разспросы: какъ идутъ дѣла Ѳедора Яковлича? Куда и скоро ли думаеть онъ опредѣлиться на службу? Какими ресурсами поддерживаетъ свое существованіе? и проч. На всѣ эти вопросы Ѳедоръ Яковличъ отвѣчалъ лаконически,— что дѣла его идутъ плохо, что на службу еще нѣтъ надежды скоро опредѣлиться, что онъ живетъ трудами рукъ своихъ и перебивается кой-какъ. Освѣдомившись такимъ образомъ о дѣлахъ Ѳедора Яковлича, я разсказалъ ему въ свою очередь о своей жизни въ деревнѣ, о видахъ, какіе имѣлъ въ будущемъ и проч., и наконецъ, когда переговорили мы обо всемъ собственно до насъ касавшемся, я спросилъ Ѳедора Яковлича объ его хозяевахъ, кто и что̀ они такое.

— Да тоже крестьяне, какъ и другіе воробьевцы, сказалъ Ѳедоръ Яковличъ: — однакожь Степанъ Дмитричъ довольно *развитъ* и вовсе не похожъ на свою братью; служитъ прикащикомъ на какой-то фабрикѣ; довольно неглупый малый.

— А она что?

— Да ничего. Варвара Матвѣевна, — и все тутъ. Такъ себѣ, ни рыба, ни мясо, вялая какая-то.

— А каково живутъ они межь собой-то?

— Точно голубки.

— Будто?

— Право, а между тѣмъ ужь лѣтъ семь, кажется, какъ соединены узами брака.

— Это очень любопытно. Только двое и живутъ они?

— Нѣтъ; у нихъ есть сынъ, мальчикъ лѣтъ пяти что-ли, такой бойкій мальчишка. Есть кухарка, — самоваръ-то намъ приносила....

— Даже кухарка, — вотъ какая роскошь!

— Степанъ Дмитричъ, разговорившись разъ со мной, обѣщалъ было разсказать свою исторію. Ну, да я не любопытенъ.

— Напрасно.

— Вѣдь навѣрное вздоръ какой-нибудь, хоть онъ и говоритъ, что его исторію даже описать бы стоило.

— А я такъ по самому этому нарочно постараюсь поближе познакомиться со Степаномъ Дмитричемъ.

— Познакомься. Исторія-то его не знаю какова, а онъ, кажется, славный малый.

Пока мы пили чай, да толковали съ Ѳедоромъ Яковличемъ о томъ о сёмъ, день незамѣтно склонился къ вечеру, а погода между тѣмъ разгулялась, и платье мое попросохло. Я сталъ собираться обратно въ Москву.

Первый мой визитъ на Воробьевы Горы, какъ видѣлъ читатель, былъ чрезвычайно неудаченъ, и Воробьевка встрѣтила меня ужасно непривѣтливо. Понятно поэтому, что мечты, которыми я убаюкивалъ себя живя въ деревнѣ, значительно разсѣялись, — что Воробьевка стала мнѣ, что̀ называется, поперегъ горла, и поселиться на ней я не хотѣлъ ни за какія благополучія.

Өедоръ Яковличъ унималъ меня почевать у него, но я рѣшительно отказался, и говорилъ, что завтра съ ранняго утра пойду искать квартиру....

— Искать квартиру, — вотъ глупости-то! Да къ чему тебѣ квартиру-то искать, говорилъ Өедоръ Яковличъ, — когда можешь, со всѣми удобствами, поселиться здѣсь, вмѣстѣ со мной. У меня, видишь, три комнаты; стало-быть, намъ не тѣсно будетъ, а если взять въ соображеніе экономическіе разсчеты, то гораздо и выгоднѣе; за квартиру мы заплатимъ вдвоемъ то же, что̀ я заплатилъ бы и одинъ. Обѣдать.... ну чтожь? обѣдать оба станемъ ходить къ Аннѣ Максимовнѣ, а тамъ, быть можетъ, устроимъ обѣды какъ-нибудь и дома.

— Ну нѣтъ ужь, спасибо! отвѣчалъ я на убѣжденія Өедора Яковлича. — Въ дурную-то погоду здѣсь носа нельзя высунуть. Что это за гадость! Нѣтъ ужь Богъ съ ними, съ выгодами-то.

— Въ дурную-то погоду, право, и нигдѣ не разгуляешься. А въ вёдро здѣсь, особенно по праздникамъ, очень и очень не дурно. Сколько бываетъ гуляющихъ изъ Москвы! Какія увидишь иногда сцены!... Ты охотникъ купаться, — здѣсь купанье превосходное; ягоды и плоды всѣхъ родовъ, и при томъ *съ вѣточки*, что̀ называется, — не измятые, не засаленные, какъ въ Москвѣ.

— Ну, до ягодъ-то я не большой охотникъ. — Однакожь продолжай, что̀ здѣсь еще хорошаго?

— Мало ли что̀! Чудесный видъ Москвы, особенно въ теперешнее время, — вечеркомъ, послѣ дождя. Про воздухъ и говорить нечего! Да и до Москвы-то ты думаешь далеко?

— Да, не близко.

— Вздоръ! тебѣ далеко показалось потому, что изволилъ путешествовать сюда въ такую погоду. А кто велѣлъ? Самъ виноватъ. До Новодѣвичьяго монастыря отселѣ двухъ верстъ не будетъ, а отъ Новодѣвичьяго до города никакъ не больше четырехъ. Притомъ же....

— При томъ же на Воробьевкѣ есть *мамзель* — какъ бишъ ее?...

— Э, вздоръ мамзель! Я бы пожалуй хоть сей-часъ и самъ въ Москву. Мнѣ совершенно все равно....

*

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Переѣдемъ и станемъ вмѣстѣ жить.

— Ты очень проворенъ! такъ вотъ взялъ да и переѣхалъ! Какъ же! Я здѣсь, братъ, привязанъ, словно лисица за хвостъ. Надо напередъ расплатиться съ Анной Максимовной за обѣды, да съ хозяиномъ за квартиру. А гдѣ деньги-то?

— У меня...., заговорилъ я.

— У тебя! перебилъ меня Өедоръ Яковличъ,—у тебя, навѣрное, вздоръ какой-нибудь (Өедоръ Яковличъ очень любилъ и теперь любитъ употреблять слово *вздоръ*). Ну, сколько у тебя?

Я сказалъ.

— Вздоръ и есть! А ты воображаешь, что это очень огромная сумма? Какъ же! попробуй. И одному-то дай Богъ прожить на эти деньги мѣсяца полтора какихъ-нибудь. А храбрится, точно изъ Калифорніи пріѣхалъ. Вздоръ, братъ! Оставайся добро и ты здѣсь; вмѣстѣ станемъ работать, къ осени-то, глядишь, рублей двѣсти серебромъ получимъ, — вотъ и поправятся дѣлишки. А то въ Москву, въ Москву!

— Хорошо, я подумаю, сказалъ я.

— Да что тутъ думать-то? Вздоръ! и думать нечего!

— Ну хорошо, хорошо! Я въ будущее воскресенье опять буду здѣсь, и, если до тѣхъ поръ не найду приличной квартиры, то, быть можетъ, и переберусь къ тебѣ. — А, кстати, я было и забылъ спросить, какъ идутъ сердечныя-то твои дѣлишки? Мамзель — какъ бишь ее?... все забываю.

— Мамзель Элиза! Вздоръ, братъ! Матушка ея почти на первыхъ же порахъ нашего знакомства тонко намекнула мнѣ, что молодымъ людямъ весьма прилично жениться на молодыхъ дѣвушкахъ, что гораздо лучше обзавестись своимъ домкомъ, своимъ хозяйствомъ, служить и жить съ избранною подругою сердца, чѣмъ баклуши-то бить и переселяться по цыгански съ квартиры на квартиру. — Я съ своей стороны тоже сказалъ, что еслибъ *выгодная* партія, то отъ чего же.... Ну, сударь мой, это и не по насъ! У насъ нѣтъ ничего, такъ вотъ мы и нахмурились, да и сердимся на сосѣда, — чортъ знаетъ за что! Впрочемъ, это относится только къ матушкѣ. Дочка со мной не ссорится; толкуетъ о красотахъ природы, о прелести сельской тишины, о симпатіи душъ и тому подобныхъ отдаленныхъ предметахъ. Болтаю, разумѣется, и я, но безъ всякой цѣли, а такъ — отъ бездѣлья....

Только что Өедоръ Яковличъ договорилъ свой монологъ, какъ не вдалекѣ раздался свѣженькій, бойкій голосокъ:

— Ахъ, мамà! да это несносно! Вы всегда мнѣ дѣлаете наперекоръ; я хочу идти сюда, а вы идете въ ту сторону — ступайте, если хотите, а я пойду одна....

— Вишь какая упрямица! посмотри, посмотри, вотъ она, — говорилъ мнѣ потихоньку Өедоръ Яковличъ.

Я взглянулъ въ окно, и увидѣлъ премиленькую брюнетку лѣтъ шестнадцати. Изъ-подъ-тишкà, съ кособоку поглядывая на окно Өедора Яковлича, она шла, по-видимому, небрежно, какъ-будто вовсе не думая обращать на себя ничьего вниманія, но на самомъ дѣлѣ въ ея граціозной, рѣзвой походкѣ выражалось самое злое кокетство.

— Здравствуйте, мадмуазель, сказалъ Өедоръ Яковличъ, когда молодая дѣвушка поровнялась съ низенькимъ окномъ, у котораго мы сидѣли.

Мамзель Элиза какъ-будто немножко смѣшалась, увидя у Өедора Яковлича новое, незнакомое ей лицо. Но тотчасъ же оправилась и бойко отвѣчала:

— Благодарю васъ, m'sieur! Здоровы ли вы? Какая славная погода, а вы дома сидите....

— Да видите, у меня гость. Рекомендую вамъ пріятеля моего, Петра Иваныча N.

Я раскланялся. Мамзель Элиза пріятно улыбнулась.

— И вы не сюда ли переселяетесь? спросила она меня.

— Право еще не знаю. Я только сегодня пріѣхалъ изъ деревни.

— Переѣзжайте сюда, а то вашъ пріятель, кажется, скучаетъ одинъ-то.

— Онъ непростительно неблагодаренъ, если скучаетъ при такомъ пріятномъ сосѣдствѣ.

Мамзель Элиза улыбнулась еще разъ, плутовски взглянула на меня, кивнула головкой и пошла далѣе.

Вслѣдъ за тѣмъ вышли и мы съ Өедоромъ Яковличемъ изъ его квартиры, — ему захотѣлось проводить меня, а, можетъ быть, было тутъ и другое какое намѣреніе....

Со всѣми предосторожностями шли мы по не совсѣмъ еще просохшей дорогѣ, и, почти ничего не загрязнившись, добрались до спуска съ горы. Солнце садилось. Воздухъ былъ чистъ и ясенъ; на небѣ ни одного облачка.

Чудная панорама Москвы, облитой лучами заходившаго солнца, развернулась передо мной во всей своей красѣ. Полу-тѣнь, которую

набрасывалъ на нее вечерній сумракъ, придавала ей какъ-будто еще болѣе величія и прелести. Широкая, раскидистая, прихотливо разбросавшая свои храмы, дома, улицы, Москва представляла собою стройное, граціозное цѣлое, и была передо мною вся какъ на блюдѣ.

Нельзя сказать, чтобъ я былъ записной любитель красотъ природы; но здѣсь, признаюсь, не могъ удержаться отъ самыхъ восторженныхъ похвалъ Москвѣ и Воробьевымъ Горамъ, которымъ обязанъ былъ этой дивной, до тѣхъ поръ невиданной мною, картиной.

Долго, не говоря ни слова, любовался я Москвой, и длинной вереницей тянулись передо мной разнообразныя сцены изъ ея долголѣтней жизни, и какъ будто оживлялись передо мной дивныя страницы ея дивной исторіи.

Вечерній сумракъ межъ тѣмъ густѣлъ болѣе и болѣе надъ Москвой, и все сливалось въ одну неопредѣленную массу. Тысячи огней загарались въ различныхъ направленіяхъ, а я все стоялъ, неподвижно глядя на Москву....

Голосъ Ѳедора Яковлича вывелъ меня наконецъ изъ этого созерцательнаго состоянія.

— Что ты за чудакъ! сказалъ онъ:—я все было ждалъ, пока ты кончишь, да видно не дождешься. Ну, на что ты смотришь? Что видишь? Ровно ничего. Вотъ ужь почти совсѣмъ стемнѣло. А по моему, идти — такъ идти, либо оставайся у меня ночевать. А лучше всего, переѣзжай-ка добро завтра же на Воробьевку, да и любуйся *красотами природы* съ утра до вечера.

— Нѣтъ, ночевать не останусь. А переѣхать — подумаю....

Картина Москвы, которою я въ первый разъ въ жизни любовался съ Воробьевки, почти со всѣмъ помирила меня и съ самой Воробьевкой. Распростившись съ Ѳедоромъ Яковличемъ, я скорымъ шагомъ отправился въ Москву, и, когда садился въ лодку, перевощикъ многозначительно улыбнулся, а, пока переѣзжали мы черезъ рѣку, все ухмылялся, поглядывая на мой костюмъ, на которомъ оставались и теперь еще значительные слѣды дождя и грязи....

Идя отъ рѣки сперва огородами, потомъ Дѣвичьимъ полемъ, я не замѣчалъ большой разницы между здѣшней и воробьевской атмосферой, но только что подошелъ къ Зубову,—какъ меня всего такъ и обдало тяжелымъ, удушливымъ запахомъ...., и я тогда же почти далъ себѣ слово перебраться на Воробьевку.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ.

(Очерки).

II. Второе путешествіе на Воробьевку.—Путевыя впечатлѣнія.— Зубовскій бульваръ.—Дѣвичье поле.—Дорога къ Лужникамъ.— Воробьевы Горы.

Наступило воскресенье, а квартиры, приличной для меня во всѣхъ отношеніяхъ, я не отъискалъ, частію по недостатку житейской опытности, частію потому, что—признаться—не слишкомъ и заботился объ этомъ, рѣшившись поселиться на Воробьевкѣ.

Ударили къ вечернямъ, и я отправился на Воробьевы Горы въ другой разъ.

День былъ чудно-хорошъ; удушливый, полуденный жаръ смѣнился тихой прохладой. Легкій вѣторокъ чуть-чуть шелестилъ листьями молодыхъ липъ, бросавшихъ на Зубовскій бульваръ легкую тѣнь.

Гуляющіе обоего пола, иные взадъ и впередъ бродятъ по аллеѣ, иные сидятъ на скамьяхъ, и, смотря по характеру встрѣчаемыхъ ими физіономій, принимаютъ то умильный, то высокомѣрный, то совершенно равнодушный видъ. Молодые люди, иные очень скромно, другіе съ сознаніемъ собственнаго достоинства, а иные просто—нахально заглядываютъ подъ шляпки, и, тоже смотря по разнообразію встрѣчаемыхъ подъ шляпками лицъ,—дѣлаютъ попеременно то гримасы удовольствія,

то досады, то язвительнаго пренебреженія, и представляютъ въ карикатурѣ ихъ походку, жесты, складъ физіономіи и другія отличительныя черты.

На Дѣвичьемъ полѣ — совершенно иной міръ, иныя лица, иные нравы. Взглянемъ мимоходомъ и на здѣшнихъ гуляющихъ.

Тамъ и здѣсь бродятъ, стоятъ, лежатъ гурьбы такъ называемаго фабричваго сословія. Это классъ промышленниковъ, который всего вѣрнѣе назвать полу-городскимъ, полу-деревенскимъ. Они не мало сохранили еще чисто деревенскаго, но, живя почти постоянно въ Москвѣ, во многомъ уже и удалились отъ своего первоначальнаго быта и обычаевъ простонародья. Большая часть изъ нихъ нюхаютъ или курятъ табакъ, — всѣ безъ изъятія ходятъ по праздникамъ пить чай въ трактиръ и т. п. Фабричные — страстные охотники играть въ карты *въ три листика, въ пристѣнокъ* (почти тоже, что орлянка), всего же болѣе въ *орлянку*, и нерѣдко азартный игрокъ въ нѣсколько минутъ проигрываетъ сумму, за которую работаетъ послѣ мѣсяцъ, а то пожалуй и два.

Вонъ подлѣ забора, въ оврагѣ, толпится кружокъ игроковъ, изъ среды которыхъ то-и-знай летаетъ вверхъ *семитка* (2 коп. сер.) или *десятка* (3 к. сер.). Игроки и зрители часто озираются по сторонамъ, чтобъ не быть захваченными врасплохъ полиціей, которой не нравятся эти невинныя удовольствія. Вонъ изъ-за угла, въ самомъ дѣлѣ, показался будочникъ, и любители орлянки живо разбѣгаются вразсыпную. Одинъ изъ игроковъ, съ кислой физіономіей, подходитъ къ хороводу; товарищи тотчасъ обращаются къ нему съ вопросами: «ну что, какъ дѣла? Что, братъ, голову-то повѣсилъ?» и пр.

— Чтò! проигралъ, печально говоритъ несчастный любитель орлянки.

— А много?

— Да три серебромъ.

— Эхъ, братъ! Эвто плохо. Недѣли двѣ, стало быть, и придется изъ хлѣба работать. Не ладно.

— День на день не приходитъ, замѣчаетъ другой, — сегодня не *повезло*, въ другой разъ *вывезетъ*.

— А можетъ и въ другой разъ *провезетъ*.... Дѣло-то закрытое!

Все это, разумѣется, нисколько не утѣшаетъ бѣднягу-игрока; постоявши не много здѣсь, онъ отчаянно машетъ рукой, и послѣдній, оставшійся у него пятиалтынный несетъ, *съ горя*, къ *Агашкѣ*, т. е. въ домъ съ надписью: «магазинъ водокъ и ликеровъ!»

Счастливый игрокъ, *съ радости*, тоже отправляется съ пріятелями, только не въ магазинъ, а *въ ресторацію,* и, къ вечеру, вѣроятно, у него останется въ карманѣ не больше, чѣмъ у проигравшаго....

Хороводъ окруженъ толпою зрителей, изъ-за которыхъ почти ничего не видно дѣйствующихъ лицъ, *играющихъ игры.* За то взгляните на зрителей,—и здѣсь есть что̀ посмотрѣть.

Вонъ молодецъ въ поддевкѣ и плисовыхъ шароварахъ льнетъ къ смазливой дѣвушкѣ, что̀ стоитъ у хоровода. Вы думаете, онъ спроста, подеревенски, объясняетъ ей свои чувства? Ничуть не бывало! Онъ говоритъ ей вещи, разумѣется, любезныя, но въ выраженіяхъ очень изъисканныхъ, высокимъ, что называется, слогомъ, совершенно городской маверъ. Онъ толкуетъ ей, напримѣръ, что «у хоровода дѣлать рѣшительно нечего, что тутъ всякая шваль, а мы, дескать, пойдемъ лучше прогуляемся по Плющихѣ, да зайдемъ въ ресторацію,— чайку напьемся....»

— Эка невидаль! надмѣнно отвѣчаетъ ему смазливая собесѣдница. —Я ужъ пила. Чашекъ десять выпила.

— Это ничего, продолжаетъ, нисколько не обезкураженный кавалеръ.—Палка на палку не годится, а чашка на чашку—ничего.

— Да что̀,—не хочется, говоритъ несговорчивая красавица.

— А ты захоти, продолжаетъ неотвязчивый парень....

Послѣ разныхъ отговорокъ, дѣвушка наконецъ соблазняется; парочка незамѣтно отшатывается отъ хоровода и идетъ въ ресторацію....

А вонъ около оврага еще тѣснится порядочный кружокъ.... Посмотримъ, что̀ тамъ такое.

Посреди кружка толстая, краснощекая, рослая дѣвица пляшетъ съ коренастымъ парнемъ русскую пляску, а другой молодецъ ловко подъигрываетъ на балалайкѣ.

Толстая плясунья безпрестанно отираетъ концомъ передника потъ, который катится съ нея градомъ.

— Устала видно, говоритъ ей внимательный кавалеръ:—ну, отдохни.

— Нѣтъ, не устала; это съ чаю, отвѣчаетъ, какъ будто, немножко обидѣвшись, запыхавшаяся толстушка.

— Съ прошлогодняго? острнтъ одинъ изъ зрителей, съ другой фабрики.

Всѣ хохочутъ. Плясунья увѣряетъ, что она почитай-что кажинный день чай пьетъ, и сей часъ только что отъ самовара. Молодецъ, пляшущій съ любительницей чая, сердито взглядываетъ на дерзкаго остряка, и грозитъ ему весьма выразительнымъ жестомъ....

А вотъ близь Агашинской будки еще хороводъ,—больше всѣхъ другихъ хороводовъ на Дѣвичьемъ полѣ. Пѣвцы и пѣвицы дружно поютъ:

По зеленымъ лужкамъ
Разливалася вода.
Люли, люли, люли
Разливалася вода (*).

Первые стихи пѣсни обыкновенно поются однимъ запѣвалой, а вторые подхватываются всѣмъ хоромъ, и въ эту минуту, въ дружныхъ и бойкихъ переливахъ сильныхъ голосовъ, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ слышится бурный разливъ рѣки, съ шумомъ выступившей изъ береговъ.

Славная пѣсня! Незнаю, слыхали-ль вы ее, читатели. Если не слыхали, то совѣтую вамъ послушать, какъ поютъ ее на Дѣвичьемъ полѣ.

Идемъ дальше. Вотъ возвышается, пробуждающій такъ много воспоминаній, Ново-Дѣвичій монастырь съ своей изящной колокольней, съ золотоглавыми церквами, съ вычурными башнями. За нимъ далѣе разстилаются длинные ряды грядъ, между коими виднѣется нѣсколько огородничьихъ избушекъ....

(*) Авторъ надѣется, что не излишне будетъ передать эту пѣсню вполнѣ; вотъ она:

По зеленымъ лужкамъ
Разливалася вода;
Разстилалася трава,
Разцвѣтали всѣ цвѣты,
Всѣ дѣвушки пригожи.
Одна дѣвка лучше всѣхъ,
Въ косѣ лента шире всѣхъ;
Въ косѣ лента широка,
Въ хороводъ гулять пошла;
Въ хороводъ гулять пошла,
Молодцу сердце зажгла.
У нашего молодца
Разгорѣлися глаза....
« Чья дѣвушка пригожа?
« Чьего матери—отца?
« Какъ по имени зовутъ?
« — Мое имя Катерина
« — Московскаго купца дочь,
« — Отойди, молодчикъ, прочь.»

Весело въ воскресенье или въ праздникъ какой-нибудь идти на Воробьевку. Народу туда и обратно—множество, и пѣшкомъ, и на ванькахъ, и въ пролеткахъ, и даже—въ колякахъ. Обыкновенно пустынная по буднямъ дорога, которая отъ Ново-дѣвичьяго монастыря извилинами тянется между огородами до Лужниковъ, какъ будто, оживаетъ, и сама принимаетъ праздничный видъ.

Вонъ въ красивой коляскѣ ѣдетъ на встрѣчу купчикъ съ рыжей, козлиной бородкой, съ брюшкомъ, и гордо поглядываетъ по сторонамъ: это онъ освѣжился въ купальнѣ.... Нужды нѣтъ, что собой онъ не большой красавецъ, за то хорошъ у него экипажъ, хороши лошади, и—глазки молоденькой, смазливой барышни, *одиноко* идущей ему на встрѣчу *пѣшкомъ*, преумильно на него поглядываютъ, а онъ—жестокій!—и знать-то ее не хочетъ....

Вотъ отъ перевоза идетъ нѣсколько паръ *счастливцевъ*, изъ которыхъ одни, забывая весь міръ и все въ мірѣ, осыпаютъ другъ друга взаимными нѣжностями, а другіе кажутся уже значительно утомленными, не то прогулкою, не то бременемъ своего счастія, и идутъ молча, насупившись и не глядя другъ на друга....

Подходя ближе и ближе къ рѣкѣ, невольно поражаешься красотою всего, что вокругъ тебя, противъ тебя и позади тебя.... Живописными лентами, разбросанными прихотливой рукой, стелются кругомъ длинные ряды грядъ, буквально унизанныхъ огурцами, капустой, тыквами и другими плодами, если не очень поэтическими, за то здоровыми и неизбѣжно-необходимыми въ домашнемъ быту русскаго человѣка. Вправо отъ дороги стоитъ маленькая желтая церковь съ такой же желтой маленькой колокольней (*). Подойдя къ паперти, вы можете здѣсь прочесть на стѣнѣ, на сажень вышины отъ земли, надпись, что вода въ 1807 году, во время разлива Москвы-рѣки, доходила до сихъ поръ.

Близь церкви группируется нѣсколько домовъ, тоже маленькихъ и простыхъ, какъ и она. Лужники—это они и есть—совершенное село: и воздухъ, и устройство, и ближайшія окрестности, —все здѣсь сельское. Одна только будка съ своимъ неусыпнымъ хозяиномъ и напоминаетъ собою, что это все еще Москва, а не деревня.

Идя далѣе около огорода, вы наконецъ доходите до рѣки. На берегу стоитъ нѣсколько экипажей, колясокъ, пролетокъ, дрожекъ,—все это пріѣхали или любители купанья, или любители гулянья на Воробьевыхъ Горахъ. Съ самыхъ вечеренъ, а то и ранѣе, до поздней ночи,

(*) Недавно перекрашена въ красную.

стоятъ они здѣсь, а кучера либо лежатъ, лѣниво развалившись на травѣ, либо похаживаютъ около лошадей, толкуя о томъ-о семъ, а то иногд отпустятъ остроту на счетъ гуляющихъ обоего пола, запоздавшихъ или утомившихся до невозможности продолжать безъ пособія извощика дальнѣйшее странствованіе.

Но вотъ флегматическій перевощикъ приглашаетъ васъ въ лодку,— вы садитесь, и черезъ минуту подъѣзжаете къ Воробьевскому берегу.

Сойдя съ лодки, вы ступаете на песчаное прибережье, и потомъ, шаговъ черезъ пять, поднимаетесь на луговину, которая зеленой лентой обвиваетъ берегъ рѣки на-право и на-лѣво. За этой луговиной возстаетъ передъ вами какъ будто дерновая стѣна, мѣстами поросшая кустарникомъ и прорѣзанная, словно нарочно, нѣсколькими оврагами, почти на равномъ другъ отъ друга разстояніи. На эту стѣну ведутъ два пути, — можно идти прямо на приступъ, пустившись вверхъ по песчаному крутогору, и черезъ минуту вы будете на новой равнинѣ, откуда увидите уже значительную часть Москвы, или, — если не чувствуете въ себѣ большой храбрости,—можете пробираться вверхъ полегоньку, оврагомъ, гдѣ—очень легко можетъ быть — встрѣтите *прекрасную незнакомку* и неизбѣжно *прикоснетесь* къ ней, потому что это ущелье такъ узко, что пройти двоимъ въ рядъ, не зацѣпившись другъ за друга, рѣшительно невозможно....

И вотъ, тѣмъ или другимъ путемъ, вы всходите на эту луговину, гдѣ расхаживаютъ болѣе или менѣе нѣжныя четы, бѣгаютъ взадъ и впередъ группы болѣе или менѣе милыхъ дѣтей, и гдѣ отдыхаютъ на травѣ болѣе или менѣе почтенные отцы и матери семействъ.

Далѣе за этой луговиной опять горы и горы. Вотъ немножко вправо отъ тропинки возвышается передъ вами почти конусообразный крутогоръ, покрытый сверху какъ будто татарской шапочкой, со стороны рѣки обнаженный, а съ другихъ сторонъ окаймленный зеленымъ ивнякомъ и орѣшникомъ. На его вершинѣ полу-лежатъ, полу-сидятъ двое молодыхъ *франтовъ* съ сигарами въ зубахъ;—одинъ изъ нихъ указываетъ палочкой на группы гуляющихъ, и, должно быть, сказалъ сильную остроту, потому что другой разразился звонкимъ хохотомъ.

Въ тоже время двѣ шляпки мелькаютъ межъ кустовъ орѣшника, и проворно сбѣгаютъ съ горы внизъ на равнину. До нихъ долетаетъ хохотъ, раздающійся съ верху. Между шляпками и франтами, не смотря на огромность раздѣляющаго ихъ пространства, завязывается пустой разговоръ ни о чемъ, въ родѣ слѣдующаго:

— Что вы, сударыни, такъ мало погуляли на Воробьевкѣ? говоритъ одинъ изъ франтовъ въ черномъ пальто.

— Что за мало? отвѣчаетъ ему голубая съ розовымъ подбоемъ шляпка. — Мы часа три были здѣсь; да скучно.

— Помилуйте, что́ же здѣсь скучнаго! ввертываетъ свое сужденіе и другой франтъ въ коричневомъ пальто. — Музыка, пѣніе, — первый сортъ! А воздухъ, можно сказать, — ароматическій.

— Воздухъ! что въ воздухѣ толку-то! тонко замѣчаетъ другая шляпка, соломенная, хотя немножко помятая. — Народъ-то, все сволочь какая-то.

— Не все сволочь, сударыня, есть мало ли дамъ благородныхъ, и вотъ, примѣрно сказать, объ васъ мы съ Осипомъ Макарычемъ именно такого мнѣнія.

— Разумѣется, точно также, какъ и вѣжливые кавалеры есть, — и мы съ Соничкой именно такого мнѣнія объ васъ и вашемъ товарищѣ.

Во время этого разговора шляпки идутъ полегоньку впередъ. Но вѣжливые кавалеры, найдя, должно быть, неприличнымъ долѣе разговаривать издалека, съ быстротою мысли, сбѣгаютъ съ крутогора внизъ и присоединяются къ дамамъ. Дамы, какъ и слѣдовало ожидать, этимъ не обижаются; онѣ безъ церемоніи принимаютъ услуги вѣжливыхъ кавалеровъ, и позволяютъ имъ проводить себя....

Послѣ трехъ поворотовъ — вправо, влѣво и прямо, — вы всходите на новую и послѣднюю равнину, — откуда видна почти вся Москва, и гдѣ происходятъ сцены, тоже въ родѣ представленныхъ нами.

И вотъ, наконецъ, передъ вами возвышается послѣдняя гора, на которую взойти прямо нѣтъ рѣшительно никакой возможности; за то, взявши немножко вправо, по тропинкѣ, проложенной по отклону горы, вы постепенно, безъ большаго утомленія, доберетесь до вершины, и здѣсь встрѣтитъ васъ.... маленькій погребъ съ группою дѣвушекъ, на перебой приглашающихъ васъ къ себѣ пить чай, къ которому подадутъ вамъ, если угодно, и сливокъ, а то пожалуй и *спиртнаго* чего-нибудь изъ сосѣдней харчевни.... Взобравшись на эту гору, чувствуешь непреодолимую потребность отдохнуть послѣ утомленія и полюбоваться Москвой. И какъ пріятенъ этотъ отдыхъ, — я думаю испыталъ всякій истый Москвичь, потому что, я увѣренъ, истый Москвичь непремѣнно бывалъ и бывалъ не разъ на Воробьевыхъ Горахъ.

Поглядѣвши на Москву и поблагодаривши дѣвушекъ за ихъ обязательныя приглашенія, я пошелъ къ Ѳедору Яковлчу, — и пришелъ въ

самую пору,—самоваръ только что былъ поставленъ на столъ, а Ѳедоръ Яковличь только что поднялся съ постели послѣ своего послѣобѣденнаго отдыха.

Послѣ чая мы съ Ѳедоромъ Яковличемъ пробродили по Воробьевкѣ и ея окрестностямъ до поздней ночи. Вспоминали былое, толковали о настоящемъ, мечтали о будущемъ, а время между тѣмъ незамѣтно шло да шло... И вотъ ужь совершенно стемнѣло. На Воробьевкѣ ни души; только дребезжащіе звуки неугомонной шарманки, неумолкаемо разносившіеся изъ кривобокой харчевни, и давали знать, что Воробьевка еще не вся уснула. Разговоры наши были такъ задушевны, ночь такъ хороша,—что мы, пробродивши часовъ около четырехъ, не чувствовали ни малѣйшей усталости. На востокѣ начала уже заниматься утренняя заря....

Не помню, чтобы что-нибудь особенно интересовало меня на этотъ разъ на Воробьевкѣ; увлеченный задушевной бесѣдой, строго говоря, я ни на что не смотрѣлъ, ничего не видалъ, но общее впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ вечеромъ, было такъ отрадно, такъ полно, что я не только простилъ Воробьевымъ Горамъ ихъ первую непривѣтливую встрѣчу, но полюбилъ ихъ всей душой и разстаться съ ними—мнѣ не хотѣлось....

На другой же день на Воробьевкѣ стало однимъ дачникомъ больше.

III. *Степанъ Дмитричъ.*

Поселившись такимъ образомъ на Воробьевкѣ *на дачѣ*, я съ перваго же дня началъ пользоваться удовольствіями дачной жизни. Ѳедоръ Яковличь, обыкновенно угрюмый, молчаливый, при мнѣ, какъ будто, сталъ немножко поживѣе, поразговорчивѣе, и, безъ ущерба серьезнымъ дѣламъ, мы могли позволять и позволяли себѣ по нѣскольку часовъ въ день и на бездѣлье. Каждый день,—въ хорошую, разумѣется, погоду,—ходили мы купаться, и воробьевское купанье, какъ говорилъ мнѣ и Ѳедоръ Яковличь, я нашелъ дѣйствительно превосходнымъ. Послѣ купанья тоже почти каждый день гуляли мы по Воробьевкѣ и ея окрестностямъ, по вѣковой рощѣ, по берегу Москвы-рѣки, и особенно по той его части, которая заключается между Воробьевкой и устьемъ Сѣтуни. Эта часть Воробьевыхъ горъ такъ живописна, такъ разнообразна, что мы незамѣтно прогуливали иногда до полуночи, бродя по узенькимъ тропинкамъ, которыя прихотливо вьются здѣсь между маленькими кустами ивняка и глубокими оврагами,—любуясь Москвой рѣкой, отражавшей въ себѣ чистое звѣздное небо, — Новодѣвичьимъ монастыремъ, при блѣдномъ свѣтѣ луны перебрасывавшемъ свою тѣнь на нашъ берегъ,—Москвой—столицей, въ которой постепенно затихалъ смѣшанный шумъ, гасли огни и все погружалось въ сонъ....

Похаживали мы иногда и въ Москву, но въ Москвѣ лѣтомъ далеко не такъ хорошо, какъ гдѣ бы то ни было на дачѣ,—душно, жарко, пыльно, и когда, бывало, возвращаешься вечеркомъ изъ Москвы домой, т. е. на Воробьевку, то невыразимо-сладкое чувство разольется по душѣ, только что подойдешь къ маленькому домику, гдѣ встрѣтитъ тебя.... просто—маленькая комнатка съ двумя окнами, изъ которыхъ одно выходитъ на улицу, а другое въ садъ, и въ этой комнаткѣ на скромной постелькѣ уснешь—бывало такъ спокойно, сладко....

Черезъ нѣсколько дней по поселеніи на Воробьевкѣ, я ознакомился кой съ кѣмъ изъ ея обитателей, какъ временныхъ такъ и постоянныхъ; но первое знакомство, свелъ, естественно, со своимъ хозяиномъ Степаномъ Дмитричемъ, съ которымъ по этому прежде всего считаю приличнымъ познакомить и читателей.

Степанъ Дмитричъ, какъ говорилъ мнѣ и Ѳедоръ Яковличъ, оказался дѣйствительно славнымъ малымъ. Онъ былъ въ то время му-

щина лѣтъ около 30, очень недурной и неглупой наружности, съ лицемъ круглымъ и румянымъ, не толстъ и не тонокъ, не слишкомъ великъ и не слишкомъ малъ, а такъ, какъ слѣдуетъ, приличный мущина. Ходилъ и одѣвался онъ, какъ говорится, *по-нѣмецки*, стригся, носилъ короткіе сюртуки, шинели, пальто... Вообще, будучи тѣмъ же, чѣмъ его сосѣди, т. е. крестьяниномъ, онъ ни на волосъ не похожъ былъ на нихъ ни въ какомъ отношеніи. По этому, очень естественно, считалъ себя между ними настоящимъ comme il faut, гордился, или лучше,—немножко тщеславился своей *образованностью*, довольно презрительно отзывался о своихъ собратахъ и держалъ себя отъ нихъ совершеннымъ особнякомъ. Видно было, что онъ кой-что читалъ, говорилъ, что называется, свысока, и говорилъ не глупо, но какъ-то нескладно: говоритъ сперва все ничего, да вдругъ либо собьется на рѣчь своего природнаго кружка, либо такое словечко ввернетъ, что такъ и ахнешь!

Однажды—Ѳедоръ Яковличъ былъ въ Москвѣ—Агаѳья подала мнѣ вечеромъ самоваръ. Одному пить показалось скучно; я и пригласилъ Степана Дмитрича.

Выпили мы съ нимъ по стаканчику, и полились у насъ разговоры. Поболтавши досыта о пустякахъ, заговорили мы наконецъ *о различныхъ превратностяхъ судьбы*, и Степанъ Дмитричъ, увлекшись, должно быть, сколько своимъ краснорѣчіемъ, столько же и вниманіемъ слушателя, между прочимъ разсказалъ мнѣ, что называется, *по-душѣ*, безъ утайки и свою собственную исторію. Нѣтъ ничего особеннаго въ исторіи Степана Дмитрича, такія исторіи случаются за-частую;—тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется не лишнимъ познакомить съ нею читателя.

— Было время, со вздохомъ сказалъ Степанъ Дмитричь,—и мы не такъ жили, какъ теперь живемъ. Были и богаты, всего было вдоволь, да Богъ вѣсть, были-ли счастливѣе-то. Деньги, я вамъ скажу, отуманиваютъ, застилаютъ глаза у человѣка; черезъ нихъ онъ и не видитъ нигдѣ правды-то,—и люди, и вещи,—все представляется ему въ другомъ видѣ; а не стало денегъ, лопнулъ,—такъ вотъ тутъ-то и увидишь все, какъ есть, словно на ладони....—Изволите видѣть: какъ я былъ малъ, было насъ семейство: дѣдушка, отецъ мой съ матерью, да я. Дѣдушка никому не давалъ потачки и до самой смерти всѣ дѣла велъ самъ. Капиталъ былъ у насъ въ тѣ поры порядочный, а сады были что ни есть лучшіе на всей Воробьевкѣ. Былъ я одинъ сынъ у отца-у матери, и росъ балованнымъ сынкомъ. А дѣдушка—покойникъ былъ такой угрюмый старикъ, и я боялся его пуще Богъ знаетъ чего,—

бывало только взглянетъ, такъ душа такъ въ пятки и уйдетъ. Заставлялъ меня покойникъ читать ему все божественныя, старинныя книги, (онъ былъ по Рогожскому), и это читанье такъ надоѣло мнѣ, что я — прости Господи мое согрѣшеніе, — радешенекъ былъ, какъ онъ побывшился. Вотъ, сударь мой, какъ умеръ старикъ-отъ, дѣла наши и пошли подъ гору. Страху не стало, и добра мало стало; тятенька *дотолева* жилъ все за дѣдушкой, какъ за каменной стѣной, а какъ пришлось самому-то своимъ умомъ жить да вести торговлю, и *сбердилъ*. И самъ-то онъ сталъ немножко хмѣлькомъ зашибаться, да и меня не съумѣлъ въ рукахъ держать.

«Я былъ ужъ никакъ годовъ двадцати, какъ умеръ дѣдушка. Тутъ-то, сударь мой, свелъ я компанію съ купеческими сынками, и — *кути малина*! Сто рублевъ бывало въ вечеръ — ни почемъ! Все и пошло врозь. Годовъ черезъ пять послѣ дѣдушки мы разорились, какъ есть, до чиста: домъ развалился, садъ былъ запущенъ, все и пошло за безцѣнокъ, — на уплату долговъ. Тятенька, съ горя да съ кручины, зачахъ да и померъ, — скоро за нимъ отправилась на тотъ свѣтъ и матушка. Остался я одинъ одинёшенекъ, какъ есть ни съ чѣмъ, — чистъ молодецъ! Взялъ меня, спасибо, къ себѣ дядя по матери, Сильверстъ Иванычь Козулинъ, москательнымъ товаромъ въ Таганкѣ торгуетъ. Пожилъ я у него, поболтался, съ полгода никакъ, да скучно стало ѣсть почитай-что даровой хлѣбъ, — дѣлалъ у него я такъ малость самую, — счеты пустые писалъ, — ну, да и на волю захотѣлось. Пришелъ я къ дядѣ, да и говорю: «Такъ и такъ, молъ, дядюшка, совѣстно мнѣ безъ дѣла болтаться у васъ. — Я и самъ, говоритъ, подумывалъ ужъ объ этомъ. Что же ты *хошь*, говоритъ, съ собой дѣлать? — Да что̀, хоша, въ прикащики, молъ, что ли бы къ кому. — Въ прикащики! вѣстимо хорошо бы въ прикащики.... Да годишься ли, говоритъ, — ты? Краснобаи-то тамъ, братъ, не нужны, а снаровку бы знали, да дѣла умѣли бы вести....» — Купецъ, знаете, — и судитъ по-купечески; слова даромъ не проронитъ. Я молчу, и дядя молчитъ. — «Знаешь что̀, Степанъ, говоритъ наконецъ дядя, — въ прикащики врядъ ли годишься ты; привыкъ ты жить на своей волѣ, а тамъ надо по хозяйской дудочкѣ плясать...., Да и жалованье, — какое дадутъ тебѣ жалованье? Такъ, — плевое дѣло. А вотъ мой совѣтъ: женись-ка, братъ, да перебирайся на свое старое гнѣздо, на Воробьевку. Будешь ты самъ своему дому хозяинъ, да и баловство-то авось бросишь.» — Я подумалъ, подумалъ, — дядя говоритъ настоящее дѣло, лучше-то ничего не выдумаешь. — Тутъ-же дядя и сказалъ мнѣ, что

нашъ прежній воробьевскій сосѣдъ, Матвей Тимоѳеичь самъ заговаривалъ съ нимъ объ эвтомъ дѣлѣ, — хотѣлось, изволите видѣть, ему зятя въ домъ принять, самъ ужь сталъ старъ, сыновей не было, такъ онъ и велъ линію, — чтобы при себѣ и дочку пристроить и хозяина дому нажить. У Матвея Тимоѳеича и была одна только дочь.... До тѣхъ поръ я почти и не видалъ ее, да что и видѣть-то, — еще ребенокъ сущій была. Вотъ-съ, въ зимній мясоѣдъ мы и поѣхали съ дядей къ Матвею Тимоѳеичу, будто бы въ гости, а въ самой вещи Варвару Матвѣевну смотрѣть. Какъ теперь помню, ѣдемъ мы Москвой рѣкой, — къ въѣзду на гору-то..., — знаете, на томъ концѣ села?

Я кивнулъ только головой въ знакъ утвержденія, чтобъ не остановить откровенныхъ изліяній Степана Дмитрича.

— Такъ вотъ-съ, только что подъѣхали мы къ горѣ, продолжалъ Степанъ Дмитричь, у меня сердце такъ и *ёкнуло*. — Ну, подумалъ я, видно быть бычку на веревочкѣ... Такъ и вышло. Варвара Матвѣевна мнѣ показалась; Матвей Тимоѳеичь мужикъ былъ хорошій, царство ему небесное, — статья, выходитъ, примѣрно, настоящая, хоша оно, конечно, компанія ужь все не та... Прежде-то обращался я, знаете, все съ порядочными людьми, а тутъ *симпатія* такая, что на̀ — поди....

— Какъ *симпатія?* спросилъ я Степана Дмитрича, не понимая, какой смыслъ хотѣлъ онъ придать этому слову....

— Ну да знаете, необразованность эдакая, деревенщина, что̀ называется....

— А, вотъ что! сказалъ я, не могши удержаться отъ улыбки.

— Да-съ; — такъ вотъ мы и ударили по рукамъ, да передъ масляницей и свадьбу съиграли.... При старикѣ при тестѣ я былъ тише воды, ниже травы, — воли, признаться, мнѣ не давалъ. А тутъ черезъ годъ онъ умеръ, — осталось послѣ него тысячь десятокъ капиталу, садъ порядочный. Принялся я за торговлю; открылъ свою лавку въ красномъ ряду, и дѣла пошли было въ гору.... Да вдругъ опять чортъ прорвалъ!... Что ты будешь дѣлать? Ужь видно такая судьба!...

— Опять закутилъ? спросилъ я.

— Это бы еще все ничего. Покутилъ, да можетъ и остепенился бы... Анъ нѣтъ, вышла такая статья, что и опомниться-то было нельзя!..

— Что же это такое? съ участіемъ спросилъ я Степана Дмитрича.

— Да что̀, — ополоумѣлъ, какъ есть!.. Чего ополоумѣлъ! — Совсѣмъ рехнулся....

— Какъ же это?

Степанъ Дмитричь потупился и молчалъ. Замѣтно, ему тяжело

было продолжать разсказъ, и я ужь думалъ, что больше не узнаю ничего, какъ вдругъ онъ поднялъ голову, и, махнувши рукой, сказалъ:

— Э! да вѣдь ужь все едино, — то не секретъ, что̀ всѣ знаютъ. —Изволите видѣть. Одинъ изъ моихъ пріятелей зазвалъ меня перваго мая въ Марьину рощу; погуляли мы тамъ, подвыпили, да и завернули въ палатку къ цыганкамъ.... Шельмы—народецъ!—Вотъ, сударь мой, одна тутъ и была цыганочка! — Какъ теперь гляжу, — цыганка, а вѣдь бѣла, какъ снѣгъ, и хитра, — прости Господи, словно бѣсъ. Пѣла она, сударь мой, со́ло, и какъ пѣла, — я вамъ скажу! Особенно пѣсню: *Ты душа моя красна дѣвица*, — только что вышла въ тѣ поры. Такъ, бывало, сердце и замираетъ, какъ начнетъ она заливаться. Ошалѣлъ я совсѣмъ, бросилъ лавку, отбился отъ дому... Жена какъ-то провѣдала объ моихъ шашняхъ, съ ней баталію сдѣлалъ, —бросилъ ее со всѣмъ за-бросо̀къ, да ровно полгода, какъ угорѣлый, все и гонялся вездѣ за цыганкой-то, — гдѣ она, тамъ и я, и что̀ бы ни захотѣла, все дѣлалъ. Ну и она, проклятая, ласкова была ко мнѣ, обѣщала,—все обѣщала, да тянула за душу, такъ хорошо, что съ небольшимъ черезъ полгода я промотался въ пухъ, да въ добавокъ остался въ дуракахъ,—цыганочка просто, сударь мой, надувала все меня!.. Какъ увидѣла, что у меня въ одномъ карманѣ шишъ, а въ другомъ голышъ, безъ обиняковъ вернула хвостомъ, да и прощай! тутъ же, при мнѣ же, прахъ ее возьми, и подсѣла къ одному купеческому сынку.... Я шумѣлъ, бѣсился, дѣло было подъ Новинскимъ, на Святой,—былъ я, какъ водится, въ пунштѣ.... Ну, сударь мой, и выпроводили меня, добраго мо́лодца, не совсѣмъ-то съ честью... Приплелся я въ глухую полночь на Воробьевку, — а ужь дня три никакъ домой-то и глазъ не казалъ. На другой день утромъ пробудился я.... Ужь лучше бы совсѣмъ не пробужаться!... На душѣ тошно.... въ шкатулкѣ пусто... Такъ и на свѣтъ-то Божій глядѣть не хочется. Повалялся, поохалъ я отъ цыганскихъ-то побоевъ дня два—три,—да надо вставать, вѣкъ не пролежишь.... Жена волкомъ воетъ, а Ѳедюнька боится и глядѣть-то на меня, словно на звѣря.... Всталъ, стряхнулся я, да и пошелъ къ дядѣ, къ Сильверсту Иванычу,—а съ полгода ужь никакъ не бывалъ у него. Дядя сказалъ, чтобы я и на глаза не казался ему... Что дѣлать? Денегъ нѣтъ, а долги теребятъ.... Да и самому надо пить и ѣсть, надо жить,—въ Москву рѣку не бросишься!... Пропадай совсѣмъ!... Пошелъ я къ Никифору Игнатьичу, главному конторщику на фабрикѣ у Чепракова. «Такъ и такъ, нельзя ли, молъ.».. Ну, онъ зналъ моего-то покойнаго отца и дѣда, хлѣбъ-

соль вели. «Ладно, говоритъ, похлопочу.» И, спасибо, выхлопоталъ...

—Такъ-то, сударь, и сталъ я прикащикомъ у Чепракова. Жалованье небольшое, за то и живемъ по маленьку. Тестевъ домъ, и садъ, и все заведеніе продалъ, да расплатился съ долгами, а самъ купилъ вотъ эвтотъ домишко, да и живу въ немъ годъ шестой. — Такъ вотъ-оно, я вамъ скажу, друзья-то пріятели, всѣ забыли, всѣ бросили меня, какъ чорный день пришелъ, — а кому я больше-то всѣхъ насолилъ, кому проклинать-то бы меня слѣдовало, кого я самъ-то больше всего не любилъ, такъ тѣ-то только и любили, тѣ-то только и жалѣли меня... Я про жену-то говорю, про Варю. Ну, другая, вернула бы хвостомъ да и прощай, —поминай, какъ звали, благо у ней свой, какой ни есть, капиталъ былъ...—А она, голубушка, стала меня образумливать, разговаривать, утѣшать, отдала всѣ свои деньжонки, платья, на уплату долговъ...—Вотъ-тутъ то я и увидѣлъ, какая она женщина, что́-что *необразованная,* и понялъ, что я пяты ея не стою. Да съ тѣхъ поръ, вотъ два года, живемъ мы съ ней душа въ душу, и, благодаря Бога, дѣлишки стали поправляться. Оно, конечно, не скоро станешь на прежнюю стать.... А все-таки...

— Все-таки надѣетесь?

— Какъ же-съ! Никто, какъ Богъ!.. У насъ ужь лежитъ небольшой капиталецъ въ Оп. совѣтѣ. Годика черезъ два, Богъ дастъ, при бережливости еще съ Варей-то прикопимъ сотъ пятокъ, — да подумываемъ свою лавку открыть, — а тамъ, коли Богъ дастъ.... Ну, да это еще далеко! Дай Богъ много лѣтъ здравствовать! И теперь мы имъ много довольны.

— Я,—извините, не понимаю, о комъ это вы говорите...

— Да про дядю-то говорю, про Сильверста-то Иваныча. Такой ужь у него характеръ странный, ей Богу право. Какъ загулялъ-то я, чѣмъ бы призвать къ себѣ, да образумить, какъ слѣдуетъ, молодаго человѣка, онъ приказалъ только не пущать меня къ себѣ на глаза,—чтобы, говоритъ, и къ дому моему близко не подходилъ. Ну такъ, я и не бывалъ у него года полтора. Подумалъ, было, въ другой разъ, сходить, какъ вдостальто прогорѣлъ, да опять раздумалъ,—кромѣ безчестья, нечего надѣяться отъ него никакого способія. А какъ справился маненько опять съ дѣлами, дядя мой—опять ничего. Повстрѣчалъ меня однажды на Ильинкѣ: «что, говоритъ, Степанъ, забылъ меня? Грѣшно, говоритъ, покидать старика. —Не смѣлъ, говорю, дядюшка, безпокоить васъ.—Ничего, говоритъ, заверни когда, посидимъ около самоварчика. Ты, я слышалъ,

поправляешься, — разумъ сталъ въ голову вбирать, — это хорошее дѣло. Вѣдь я умныхъ-то, говоритъ, люблю, только дураковъ, дураковъ-то, говоритъ, больно не жалую.» — Ну, понятно, знаете, на чей усъ дядя-то мотаетъ и — молчу. — «Приходи, — говоритъ, только и родныхъ-то, говоритъ, у меня, что ты да Варя.» — Ну, сударь мой, съ этихъ самыхъ поръ мы и поладили съ дядей. Почти каждый праздникъ бываемъ у него, и онъ насъ навѣщаетъ. А намедни былъ — вы не видали? Такой угрюмый, скороссоватый старикъ, изъ подлобья все смотритъ... Все бы у него живо, кипѣло. Въ Ѳедюнькѣ души неслышитъ.

— Ну, а своихъ дѣтей нѣтъ у него?

— Ни души; были, да всѣ примерли. Одинъ, какъ перстъ...

— И вы единственный его наслѣдникъ?

— Да-съ, коли Богъ по-душу сошлетъ...

— А!

— Ну, да дай Богъ ему здравствовать!.. Мы и теперь имъ много довольны.

— А богатъ онъ?

— Одинъ домъ даетъ сходу тысячь пятнадцать, а денегъ не початой уголъ. — Такъ-то-съ! —

Такъ-то, вмѣстѣ съ окончаніемъ самовара, кончилъ и свою исторію Степанъ Дмитричь.

Я пожелалъ Степану Дмитричу возможно — скораго поправленія его обстоятельствъ.

— Никто, какъ Богъ! повторилъ Степанъ Дмитричь въ отвѣтъ на мое послѣднее пожеланіе. Коли Богъ поддержитъ, не задурю, такъ — надѣюсь — поправлюсь.

— Дай-то Богъ! а съ тѣхъ поръ ужь вы никогда эдакъ ни разу не кутнули?

— Какъ есть ни разу, словно отрѣзало....

Да, именно, есть въ русскомъ человѣкѣ эта сила воли — отказаться не только отъ какой-нибудь глупости, но даже отъ любимой, закоренѣлой привычки, и притомъ отказаться вдругъ, на отрѣзъ... Не мало я видалъ людей, которые, бывши прежде, — не просто кутилами, а горькими пьяницами, забубенными, что называется, головушками, — остепенялись совершенно вдругъ, и оставались такими до конца жизни... Не рѣдко удавалось мнѣ слыхать отъ старичковъ, что и они съ молоду дурили, но вотъ ужь годовъ тридцать либо сорокъ, какъ все бросили.... Да, прекрасная черта, — стряхнуть съ себя за - разъ пошлость и гадость, какъ износившуюся одежду!...

И, между множествомъ всего прекраснаго, что̀ есть въ русскомъ человѣкѣ, едва ли это не одна изъ характеристическихъ его особенностей...

Послѣ короткаго молчанія, Степанъ Дмитричь всталъ.

— Извините-съ, сказалъ онъ, — наскучилъ я вамъ своимъ разговоромъ....

— Помилуйте, я очень вамъ благодаренъ и.... и хотѣлъ бы даже попросить васъ....

— Все, что̀ вамъ угодно-съ.

— Видите что̀, мнѣ хотѣлось бы получше узнать Воробьевку, — такъ.... изъ любопытства.... Не будете ли вы такъ добры, — не разскажете ли мнѣ когда на досугѣ о всемъ, что̀ есть мало-мальски здѣсь замѣчательнаго.... —

Степанъ Дмитричь посмотрѣлъ на меня и многозначительно улыбнулся..., потомъ торопливо прибавилъ: — съ нашимъ удовольствіемъ... Чѣмъ могу, готовъ служить-съ. Дѣдъ покойникъ мнѣ посказалъ довольно-таки и про воробьевскую старину... Извольте, извольте-съ, — прибавилъ, улыбнувшись еще разъ, Степанъ Дмитричь.

— Что же вы улыбаетесь? спросилъ я его.

— Такъ-съ, совершенно ничего-съ....

— Нѣтъ не ничего. Что нибудь да не такъ, скажите по совѣсти.

— Ей Богу, такъ-съ... я вспомнилъ, видите-ли... — И Степанъ Дмитричь, не договоря, что̀ онъ вспомнилъ, захохоталъ.

— Извините-съ, сказалъ онъ, стараясь удержаться отъ смѣха, — вы... вы не сочинитель ли?

— О, нѣтъ, увѣряю васъ. Я хочу узнать поближе Воробьевку просто изъ любопытства....

— Извините-съ... А я, право, подумалъ было....

— Почему жь вы это подумали?

— Жилъ, изволите видѣть, у меня года два назадъ, одинъ не-служащій, должно быть, писатель.... Ахъ ты, Господи! вспомнить не могу безъ смѣха!... Жилъ онъ у меня цѣлое лѣто, и все распрашивалъ меня, что̀ здѣсь прежде было, и что̀ теперь есть замѣчательнаго. Умный, — видно, что умный человѣкъ, да зашибался больно хмѣлемъ-то. И какъ выпьетъ бывало лишнюю, и пойдетъ, и пойдетъ!.. Начнетъ меня распрашивать про Воробьевку, — разъ десять, сударь мой, повторялъ я ему все одно и тоже. Проспится, — и забудетъ все. А выпьетъ, — опять за распросы. Такой *артистъ*, ей Богу право; ну, и разсказываю ему, что вотъ, молъ, то и то, такъ и такъ, — а самъ насилу удерживаюсь отъ смѣха, глядя на него, какъ онъ все только головой мо-

таетъ да *мыкаетъ!* А засмѣяться боюсь,—чего добраго, и прибьетъ,—что съ нимъ сдѣлаешь? Такой здоровенный былъ, Богъ съ нимъ. А не пьяный, бывало, по недѣлѣ слова не спуститъ; небритый, нечесаный, все молчитъ, да ходитъ по комнатѣ, либо лежитъ на постелѣ вверхъ лицемъ, да глядитъ на потолокъ, не написано ли, дескать, тамъ что. Такъ вотъ, сударь, все онъ и сбирался, описать Воробьевы горы, да видно и теперь все сбирается. Такой странный былъ, право, что я и не привидывалъ эдакихъ!

— Такъ вы подумали, что и я.... того...?

— Да-съ признаться... подумалъ, то есть я, что и вы, тоже, не на счетъ ли... Воробьевки....

— Нѣтъ, Степанъ Дмитричь. Могу васъ увѣрить, что я не имѣю этого поползновенія, а хочу узнать получше Воробьевку потому только, что очень люблю, а, познакомившись съ нею поближе, надѣюсь, еще больше полюбить ее.—Такъ вы не откажетесь?

— Съ нашимъ удовольствіемъ,—когда вамъ угодно-съ.

— Нѣтъ, лучше когда вамъ будетъ свободно.

И, назначивъ одно изъ слѣдующихъ воскресеньевъ, — если погода будетъ хороша,—для ближайшаго ознакомленія съ Воробьевыми горами, мы пожелали другъ другу спокойной ночи и распростились со Степаномъ Дмитричемъ.

IV. Варвара Матвѣевна.

Изъ разсказа Степана Дмитрича я узналъ отчасти исторію и Варвары Матвѣевны; для меня объяснилась отчасти,—грусть не грусть, а какая-то вялость и разслабленіе, выражавшіяся въ ея лицѣ, походкѣ, во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ... Варвара Матвѣевна была женщина лѣтъ двадцати не съ большимъ; у ней были довольно правильныя и не глупыя черты лица, но всегдашняя вялость придавала имъ какое-то тупое, безжизненное выраженіе. Сначала Варвара Матвѣевна ужасно меня дичилась, и, если я спрошу бывало ее о чемъ-нибудь, скажетъ: да, либо нѣтъ,—потупится, да и уйдетъ прочь. По этому познакомиться съ ней было не такъ легко, какъ со Степаномъ Дмитричемъ. Всѣхъ скорѣе познакомился я съ Ѳединькой, и черезъ него уже съ Варварой Матвѣевной. Каждый день по нѣскольку разъ бралъ я Ѳедю съ собой купаться, не рѣдко приносилъ ему изъ Москвы конфеты, шалилъ вмѣстѣ съ нимъ, поилъ его чаемъ, и вообще подружился съ нимъ такъ, что лучше быть нельзя. Варвара Матвѣевна, разумѣется, не могла не

видѣть нашей дружбы съ Өединькой, и, въ слѣдствіе того, и сама не такъ стала чуждаться меня. Каждый день мы встрѣчались съ нею по нѣскольку разъ то въ сѣняхъ, то въ саду, то на дворѣ, и всегда перекинемся, бывало, двумя-тремя словами. Такимъ образомъ и съ Варварой Матвѣевной мы мало по малу сблизились, т. е. познакомились на столько, что однажды вечеркомъ, усѣвшись одинъ (Өедоръ Яковличь опять былъ въ это время въ Москвѣ) около самовара, въ саду, подъ тѣнью вишень и сиреней,—я нисколько не счелъ неприличнымъ пригласить напиться со мной чаю и Варвару Матвѣевну. Варвара Матвѣевна ходила въ это время по саду; Өединька бѣгалъ взадъ и впередъ, шалилъ и пѣлъ что-то совершенно непонятное какъ для слушателей, такъ и для самого пѣвца.

— Не угодно ли вамъ чаю со мной напиться? сказалъ я Варварѣ Матвѣевнѣ, когда она была шагахъ въ десяти отъ столика, за которымъ я сидѣлъ:—одному-то скучно.

— Покорно васъ благодарю. Мы сами сей часъ будемъ пить; скоро, я думаю, придетъ Степанъ Дмитричь.

— А пока не пришелъ, такъ и покушайте со мной.

— Нѣтъ; благодарю васъ.

— Вы церемонитесь , Варвара Матвѣевна. Я этого не ожидалъ отъ васъ.

— Да я нисколько не церемонюсь.

— Нѣтъ, церемонитесь; иначе не отказались бы раздѣлить со мной скуку, посидѣть и поболтать...

— Да я вѣдь вамъ говорю, что мы сей часъ будемъ свой чай пить; за чѣмъ же...

— А! такъ вы изъ гордости отказываетесь отъ моего чаю, потому что онъ для васъ не *свой?* Въ такомъ случаѣ извините, что обезпокоилъ васъ. А я думалъ..., вы сдѣлаете мнѣ эту честь....

— Вотъ вы и осердились! Ей Богу, я не изъ чего-нибудь отказываюсь отъ чаю, а такъ....

— Тѣмъ хуже, если отказываетесь, не имѣя къ этому никакого повода....

— Да совѣстно, Петръ Иванычь,—ей Богу...

— Помилуйте, Варвара Матвѣевна! чего тутъ совѣститься? Я живу у васъ ужъ не первый, не другой день, — скоро будетъ мѣсяцъ.... Подойдите же, да садитесь.... До Степана Дмитрича еще два раза

успѣете напиться. Теперь всего шестой часъ, а онъ обыкновенно приходитъ въ восемь, а то и позже.

Наконецъ, по неотступной моей просьбѣ, Варвара Матвѣевна медленными, робкими шагами подошла и сѣла на скамѣйку. Я налилъ чай.

Принялись мы за чай. Сначала оба молчали, но, выпивши по стаканчику, немножко разговорились.

Чай, сколько я замѣтилъ, имѣетъ вообще большое вліяніе на расположеніе духа особъ какъ прекраснаго, такъ и не-прекраснаго пола. Онъ невольно располагаетъ человѣка къ откровенности, къ сердечнымъ изліяніямъ, даже къ дружбѣ, если хотите. Я разумѣю не тотъ чай, который оффиціально подается на болѣе или менѣе великолѣпныхъ подносахъ, и также оффиціально пьется утромъ и вечеромъ, а тотъ, который пьютъ человѣка два—три, въ дружеской бесѣдѣ, сидя—главное,—сидя около самовара....

Говорили мы съ Варварой Матвѣевной сначала такъ ни о чемъ, шутили, смѣялись, и, обыкновенно унылое, тоскливое,— лице Варвары Матвѣевны повеселѣло,

— Что это мы съ вами, Варвара Матвѣевна все о пустякахъ толкуемъ,—сказалъ я:—болтаемъ о погодѣ, о гуляющихъ, объ ягодахъ,—какъ будто это всего интереснѣе для насъ. О такихъ вещахъ говорятъ только тогда, когда говорить больше не о чемъ.—Скажите-ка что-нибудь хорошенькаго?

— Да что вамъ сказать-то? Я право и не знаю.

— Ну, напримѣръ, разскажите, какъ вы за-мужъ выходили? Веселѣе ли тогда были, чѣмъ теперь?

— Ахъ, какая я была веселая! Теперь и въ половинку нѣтъ.

— Отъ чего же это?

— Отъ горя. Охъ, какое у меня было горе, Петръ Иванычь, и теперь, какъ вспомню, такъ, такъ сердце и запечатается! Да вотъ съ той-то поры все и не могу поправиться. И хотѣлось бы встрепенуться, да нѣтъ, силы не хватаетъ.

— Что же это за горе? Разскажите-ка, Варвара Матвѣевна. Я слыхалъ, что если горе повѣряютъ другимъ, такъ оно становится не такъ горько.... Ужь не обижалъ ли васъ Степанъ Дмитричь?

— Какъ вамъ сказать?.. — Я думаю лучше было бы, какъ бы онъ обижалъ-то меня..., а то...

— А то что же?..

— Вотъ видите... Ей Богу, я и сама не знаю, отъ чего это такъ откровенна съ вами... Видите... Ну да ужь лучше я всё по порядку разскажу...

— Разумѣется, по порядку,—это всего лучше.

— Такъ вотъ... Незнаю, вѣдь съ чего и начать-то...

— Начинайте съ начала.

— «Ну, слушайте. Была я одна дочь у отца, послѣ матушки осталась по четвертому годочку, — росла въ нѣгѣ да въ холѣ,—не знала ни горя, ни заботы. Батюшка покойникъ былъ богатъ; всего было у насъ вдоволь. Жила я до самаго замужества все дома; у родныхъ даже ни у кого никогда не гащивала, да никого почти и не было родныхъ-то. Только что минуло мнѣ шестнадцать годковъ, и выдали меня за Степана Дмитрича... Сперва шло все, какъ будто, ничего... Степанъ Дмитричъ былъ ко мнѣ ласковъ. Я... я любила его... И жили мы такъ не съ большимъ годокъ, до смерти покойнаго тятеньки. Ну, а какъ померъ тятенька-то, онъ на своей-то волѣ и пошелъ кутить... Пустился во всѣ *художества*... Часто не сталъ ночевать дома, иной разъ день либо два такъ и не заглянетъ на Воробьевку—то, а и придетъ, такъ все какой-то неспокойный, самъ не въ себѣ... Слухомъ земля полнится. Разъ я и слышу, что мой мужъ ѣздитъ къ цыганкамъ, что въ Грузинахъ и днюетъ и ночуетъ... За чѣмъ это къ цыганкамъ?—думаю я. Онѣ такія все старыя, гадкія. Что есть цыганки, которыя поютъ, объ эвтомъ я и понятія не знала... И вотъ однажды...—Только ужь вы, Петръ Иванычъ, ради Бога, никому не промолвитесь, что я скажу вамъ...»

Я обѣщалъ быть нѣмъ, какъ рыба, и Варвара Матвѣевна продолжала свой разсказъ:

«Однажды и пріѣзжаетъ мой Степанъ Дмитричь вечеромъ. Стали мы пить чай; говорили о томъ о семъ... Да я вѣдь и забыла сказать вамъ: мы передъ тѣмъ завели было свою лавку, и сначала хорошо торговали, а тутъ, какъ завертѣлся мой-то, все и пошло на вѣтеръ. Мое дѣло женское; въ рукахъ ничего не бывало, а съ мужа воли не снимешь... Вотъ мы и говорили съ нимъ объ лавкѣ-то, да о торговлѣ... Степанъ Дмитричъ говоритъ: «погоди, все поправимъ...» Вотъ и поправилъ; такъ и было!.. Такъ эвтимъ вечеромъ и толковали сперва мы съ нимъ,—все ничего, ладно... Только вдругъ лукавый и дерни меня...—За чѣмъ, говорю, ты, Степанъ Дмитричъ, къ цыганкамъ-то ѣздишь?—И, батюшки-свѣты! Какъ онъ взглянулъ на меня!.. Такъ у меня рученьки и ноженьки опустились... Лицо у него въ одну минуту такъ и побагровѣло! Глаза такъ и горятъ... Я незнала, куда и дѣваться-то. Ужь и не помню, какъ на мѣстѣ-то усидѣла. А онъ какъ вскочитъ вдругъ изъ-за стола, да не говоря ни слова хвать чашку о-полъ, такъ и разлетѣлась въ дребезги. Я сижу ни жива ни мертва.

А Өедюнька, — по другому годочку былъ, — прижался ко мнѣ: мáма, я боюсь, говоритъ... А онъ накинулъ шинель, хлопнулъ изо всей силы дверью, — я думала, что съ петель слетитъ, — да и былъ таковъ... Ужь я плакала, плакала, не знаю, какъ не ослѣпла. Да видно слезами горю не поможешь... — Съ недѣлю мой Степанъ Дмитричъ домой такъ и не казался... Я ужь думала, не уходили ли его гдѣ въ добромъ мѣстечкѣ... Анъ вдругъ и приходитъ онъ домой, часу во второмъ ночи, весь избитый, оборванный... Повалялся дня два-три, я ни слова не говорю, а все только плачу... Всталъ мой Степанъ Дмитричъ, сходилъ въ шкатулку, анъ въ ней пусто... Съ недѣлю послѣ того словно шальной такъ все и ходилъ... Я ужь испугалась, чего добраго, не поднялъ бы самъ на себя рукъ... Стала его разговаривать, успокоивать, ну, и поопомнился, пошелъ къ Чепракову на фабрику, да вотъ съ тѣхъ поръ и служитъ у него. О прошломъ оба послѣ того ни слова такъ и не говаривали, словно ничего и не бывало. И съ тѣхъ поръ, благодаря Бога, сталъ совсѣмъ другой; ни пива ни вина въ ротъ не беретъ; цыганокъ и всѣ эвти глупости, кажется, бросилъ; съ пріятелями прежними якшаться тоже пересталъ, и живемъ теперь, — слава Богу, — не смѣшимъ людей... Только я-то стала Богъ знаетъ какая, словно одичала, и ни что какъ-то не веселитъ...»

Варвара Матвѣевна замолчала и уныло повѣсила голову... Я тоже молчалъ... Незнаю, долго ли бы мы пробыли въ такомъ положеніи, еслибъ вдругъ не скрипнула калитка, — это значило, что Степанъ Дмитричъ возвратился съ фабрики, и Варвара Матвѣевна, поблагодаривши меня за угощеніе, торопливо ушла изъ сада....

(Изъ журнала Москвитянина, 1853 г. NN 8 и 9).

V. *Географія, статистика и, отчасти, исторія Воробьевыхъ Горъ. — Разсказы Степана Дмитрича о воробьевскихъ замѣчательностяхъ. — Качалкинъ.*

Воробьевы Горы созданы самою природою, и, стало быть, существуютъ довольно давно. Искусство не прибавило ровно ничего къ ихъ украшенію. Онѣ находятся на правомъ берегу Москвы-рѣки, которою и отдѣляются отъ Москвы-столицы. Начинаясь отъ впаденія Сѣтуни въ Москву-рѣку, онѣ идутъ вдоль берега до...., кажется, до самаго Нескучнаго сада, хотя названіе это усвояется собственно той части ихъ, которая заключается между Мамоновской дачей и устьемъ Сѣтуни. Москва-рѣка, въ своемъ теченіи отъ Драгомиловскаго моста до Хамовниковъ, образуетъ здѣсь превосходный, правильный полукругъ: Воробьевы Горы, или лучше, село Воробьево, Воробьевка тожъ, возвышается противъ самой средины этого полукруга.

Село Воробьево граничитъ къ сѣверу съ Москвой-рѣкой, къ востоку—съ дачею Мамоновскою (Васильевскою тожъ; она устроена бывшимъ, любимымъ Московскимъ Градоначальникомъ Кн. В. В. Долгорукимъ),—къ югу съ пахатными полями и лѣсомъ, принадлежащими Воробьевцамъ, къ западу—съ с. Троицкимъ, что̀ въ Голенищевѣ (гдѣ, какъ извѣстно, была дача митрополита Кипріана).

Церковь въ Воробьевѣ снаружи и внутри довольно благолѣпна. Живопись, которою украшены стѣны лѣтней церкви, сдѣлана въ недавнее время и довольно изящно. Но всего замѣчательнѣе здѣсь образъ Архангела Михаила, пожертвованный (помнится мнѣ) однимъ изъ князей Голицыныхъ. Въ церкви три престола: въ лѣтней, во

имя Живоначальныя Троицы, въ зимней на правой сторонѣ во имя Св. Николая, а на лѣвой во имя Пр. Сергія Радонежскаго.

Воробьевскіе обыватели — удѣльные крестьяне, и народъ, что̀ называется, разбитной. Землепашествомъ занимаются они очень мало; главную же ихъ промышленность составляетъ садоводство. Сады на Воробьевкѣ, дѣйствительно, славные, и нѣкоторые крестьяне получаютъ отъ нихъ доходу около тысячи и болѣе. Но мнѣ кажется, что слѣдовало бы быть за ними побольше уходу. Я бывалъ въ нѣсколькихъ садахъ на Воробьевкѣ, но не видалъ почти нигдѣ никакого порядка, никакой правильности въ расположеніи деревьевъ: яблони, вишни, сливы, груши, малина и бузина, все перемѣшано, какъ попало, и деревья разсажены такъ тѣсно, что непремѣнно мѣшаютъ одни другимъ свободно расти и развиваться.

При всемъ томъ, ягоды и плоды составляютъ для жителей Воробьевки существенный доходъ, и пора ягодъ и плодовъ для нихъ счастливѣйшее время года. Не многіе изъ нихъ сами собираютъ и продаютъ ягоды и плоды,—большею же частью передаютъ они сады гуртомъ, непочатые, или зажиточнымъ сосѣдямъ, или московскимъ торговцамъ, а тѣ ужь отъ себя нанимаютъ собирать плоды и перевозятъ въ Москву. Вообще народъ здѣсь больше бѣдный, чѣмъ зажиточный, — бѣдный не потому, чтобы нѐ-чѣмъ было жить, а потому, что не хотятъ, какъ слѣдуетъ жить, — не по одежкѣ протягиваютъ ножки. Лѣтніе доходы, которые они получаютъ отъ садовъ, отъ дачниковъ, отъ гуляющихъ за самовары, за сливки и за прочее, лѣтомъ же большею частью и проживаются; потому что Воробьевцы не такой народъ, чтобы отказывать себѣ въ удовольствіи засѣдать въ своемъ »клубѣ«, носящемъ впрочемъ здѣсь скромное названіе »распивочной«. Жуируя такимъ образомъ лѣтомъ подобно кузнечику, зимою Воробьевцы, такъ же подобно кузнечику, дрожатъ, если не отъ голода, то по крайней мѣрѣ отъ холода въ своихъ маленькихъ домикахъ, и перебиваются кой-какъ до новаго лѣта.... Впрочемъ,—извините меня, добрые Воробьевцы, что я, забывшись, вздумалъ такимъ образомъ васъ *усовѣщивать*. Вѣдь это я только такъ.... Я самъ очень люблю Воробьевку, воробьевское лѣто, воробьевскія удовольствія, — словомъ, все воробьевское, и, въ доказательство этого, о зимѣ не скажу больше ни слова, а буду говорить все о лѣтѣ и лѣтѣ, которое такъ хорошо на Воробьевкѣ!

Какъ давно существуетъ село Воробьево, — неизвѣстно. Вѣрно только-то, что въ 1547 г. на Воробьевыхъ Горахъ находилось не

только *село Воробьево*, но даже загородный царскій дворецъ, основанный, вѣроятно, еще до Грознаго (которому въ 1547 г. было всего не болѣе 17 лѣтъ).

Въ этомъ году, во время одного изъ *великихъ* Московскихъ пожаровъ (21 Іюня), когда обращены были въ пепелъ царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, когда, по сказанію лѣтописца, »желѣзо яко олово разливашеся, и мѣдь яко вода растаяваше« (Латух. Степ. кн.), — юный царь съ вельможами удалился *въ село Воробьево*. Издѣсь же, на другой день совершилось *чудное исправленіе* молодаго Грознаго, бывшее началомъ благодѣтельнаго періода его царствованія.

Въ то ужасное время, когда царь трепеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, — вдругъ явился на Воробьевыхъ Горахъ удивительный мужъ, іерей Сильвестръ. »Приблизившись къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ,« какъ говоритъ Карамзинъ, — »съ видомъ пророка, гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ онъ царю, что судъ Божій гремитъ надъ главою его, что огнь небесный испепелилъ Москву, что сила Вышняя волнуетъ народъ, и ліетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Потомъ, раскрывъ Св. Писаніе, указалъ онъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму царей земныхъ; заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія, потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, простеръ онъ десницу къ наставнику вдохновенному; требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ и пріялъ оную....« (Карамз. т. VIII, 1547 г. стр. 95 — 100).

Воробьевскій дворецъ Грознаго бывалъ потомъ (говоритъ преданіе) лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Бориса Годунова *), Ѳеодора Алексѣевича, Софіи Алексѣевны и, наконецъ, юнаго Петра Алексѣевича, который будто бы насадилъ здѣсь и всѣмъ извѣстную Воробьевскую рощу. Нельзя не пожалѣть, что роща эта годъ отъ году рѣдѣетъ все болѣе и болѣе...., а подсадить ее было бы не трудно.

О дальнѣйшей судьбѣ Воробьевскаго дворца нѣтъ никакихъ по-

---

*) »Любимымъ«, прибавляетъ Г. Горчаковъ (*Панорама или взглядъ на Москву съ Кремл. Горы*. Въ 9 N Москв. за 1844 г.); но, къ сожалѣнію, не указываетъ, откуда заимствовалъ это извѣстіе.

ложительныхъ извѣстій. Разсказываютъ только воробьевскіе старожилы, что уже въ концѣ прошедшаго столѣтія въ одну страшно-бурную ночь онъ окончательно разрушился.

Съ Воробьевыхъ Горъ многіе иностранные именитые путешественники обозрѣвали Москву, которая видна отселѣ на всемъ своемъ протяженіи въ окружности болѣе 34 верстъ. Между прочимъ въ 1780 году, Римскій Императоръ Іосифъ II-й, посѣщавшій Москву, любовался ею съ Воробьевыхъ горъ, и такъ пораженъ былъ видами великолѣпной столицы, что сказалъ бывшимъ съ нимъ сановникамъ: »такихъ мѣстъ едва ли какой изъ главныхъ городовъ въ Европѣ имѣетъ; здѣсь, смотря на громадную Москву, самой меланхоликъ будетъ въ восторгѣ.«

Кромѣ того, есть преданіе, что когда Императрица *Екатерина II* приказала архитектору Козакову составить планъ для построенія нынѣшняго Университета, то *Прокофій Акинфовичъ Демидовъ* изъявилъ желаніе построить его своимъ иждивеніемъ на Воробьевыхъ Горахъ, и назначилъ для этого 1,500,000 руб. Но соизволенія Императрицы на это почему-то не послѣдовало.

Въ 1814 году Державинъ, посѣтившій въ первый разъ Голицынскую больницу (устроенную въ 1801 году), въ сопровожденіи В. Л. Пушкина, тоже поэта, такъ восхищенъ былъ видомъ Воробьевыхъ Горъ, а за рѣкою,—Новодѣвичьяго монастыря, Хамовническихъ казармъ и величественнаго Кремля, что совѣтовалъ Пушкину написать стихи. »Все, что̀ я видѣлъ теперь« говорилъ онъ, — »достойно быть описано: сюжетъ богатый.« Пушкинъ отвѣчалъ, что »только безсмертная муза Державина можетъ это совершить и передать твореніе свое современникамъ и потомству.« — »Другъ любезный,« сказалъ тутъ Державинъ, »мой вѣкъ уже прошелъ; дряхлая старость напоминаетъ мнѣ не о новыхъ стихотвореніяхъ, но о скоромъ концѣ земной жизни моей....« *)

Въ 1818 г. на Воробьевыхъ Горахъ, какъ извѣстно, заложенъ былъ храмъ въ воспоминаніе о незабвенномъ для Россіи 1812 годѣ. Но, по причинѣ неудобства тамошней почвы, постройки были прекращены, и, вмѣсто Воробьевскаго храма, строится теперь близь Каменнаго моста храмъ Спасителя.

---

*) »Панорама или взглядъ на Москву съ Кремлевской Горы«. 9 N Москв. за 1844 годъ.

Чтобъ пополнить эти немногія историческія свѣдѣнія, предлагаю читателямъ нижеслѣдующіе, quasi—историческіе, разсказы Степана Дмитрича.

Наступило воскресенье, назначенное нами для *изученія* Воробьевскихъ замѣчательностей. Утреннее солнце такъ весело, такъ радостно глядѣло ко мнѣ въ окно, какъ будто именно хотѣло выманить меня изъ комнаты на свѣжій воздухъ. И вотъ, напившись послѣ обѣдни чаю и благословясь, отправились мы съ хозяиномъ въ свой недалекій путь. Приглашалъ было я и Ѳедора Яковлича участвовать въ нашей экспедиціи, но Ѳедоръ Яковличъ сказалъ только: »вздоръ»! и не пошелъ.

Вышли мы со Степаномъ Дмитричемъ на улицу, и остановились.

— Куда же идти? спросилъ меня Степанъ Дмитричъ.

— Это вамъ лучше знать.

— Въ той сторонѣ, — сказалъ Степанъ Дмитричь, указывая на юго-западный конецъ села, ничего нѣтъ замѣчательнаго, кромѣ развѣ кирпичныхъ заводовъ да огромнаго оврага, въ который, года три тому, пьяный мужикъ свалился....

— Ну, это еще не большія рѣдкости.

— Такъ пойдемъ-те сюда, къ Мамоновской-то дачѣ.

И тихимъ, мѣрнымъ шагомъ, какъ настоящіе ученые, пошли мы вдоль села.

— Прежде всего, Степанъ Дмитричъ.... Что́ бишь хотѣлъ я прежде всего спросить-то, васъ? Да; прежде всего, скажите мнѣ, отъ чего это Воробьевы Горы называются именно *Воробьевыми Горами*, а не иначе, не Галкиными, не Вороньими, и проч.? Не знаете ли вы?

— Какъ бы вамъ сказать, — самъ-то я небольшой охотникъ, признаться, до такихъ тонкостей. А дѣдушка покойникъ, — я вѣдь ужь поминалъ вамъ о немъ, — былъ именно начетчикъ, я вамъ скажу, и говорилъ, словно книга. Такъ вотъ отъ него-то я не одинъ разъ слышалъ, что прозвище наши горы получили не отъ слова *воробей*, а отъ двухъ словъ: *вора-бей*.

— Какимъ же это образомъ?

— А вотъ, изволите видѣть. Въ старину были здѣсь разбои и грабительства страшныя, такъ что ни проходу, ни проѣзду, говорятъ, не было. Царь, — не знаю какой а только было это давно, — царь эвтотъ, не могши переловить мошенниковъ, отдалъ приказъ: *бей вора* всякій, кому онъ въ руку попадется. Отъ этого, говорятъ, самаго

и горы назвались *Воробьевыми*. Ужь не знаю, правда ли это, — а дѣдушка покойникъ говорилъ, что такъ. А, статься можетъ, и отъ *воробьевъ* названы такъ горы. Воробьевъ здѣсь, вы конечно изволили замѣтить, видимо-невидимо, и здѣшнимъ садамъ сильно достается отъ нихъ. Такъ, можетъ быть, и отъ воробьевъ....—

Которое изъ двухъ объясненій удовлетворительнѣе, — предоставляю судить объ этомъ читателю, а самъ продолжаю со Степаномъ Дмитричемъ мое путешествіе.

Толкуя о названіи Воробьевыхъ Горъ, мы дошли до конца села. Здѣсь, на лѣвой сторонѣ отъ дороги, на самомъ краю берега, лѣпится пошатнувшійся на обѣ стороны и имѣющій очевидное намѣреніе развалиться пополамъ, домикъ съ надписью: »въ ходъ въ бѣлаю харчевню.«

— Здѣсь, сказалъ мнѣ Степанъ Дмитричъ, если угодно, есть чай, ветчина и кой-что изъ крѣпкихъ напитковъ. Только тутъ все сволочь бываетъ. Пьяная шарманщица, пьяный кларнетистъ, да мастеровые, — вотъ и всѣ посѣтители.

— По харчевнѣ и посѣтители, замѣтилъ я Степану Дмитричу.— Будь хорошенькій трактиръ, — и порядочный народъ сталъ бы ходить.

— Ну, нѣтъ-съ; порядочный народъ все-таки не пошелъ бы; порядочные люди, разумѣется, привезутъ всего своего, и имъ гораздо пріятнѣе пить чай въ саду, на вольномъ воздухѣ, въ дружеской компаніи, гдѣ бы никто не мѣшалъ, а четыре-то стѣны и дома имъ надоѣли. А мастеровщина, — эта непремѣнно въ заведеніе.... Ей хоть лыкомъ шито, да будь *заведеніе*.... А иначе что́ и за гулянье. Ужь это такъ, могу васъ увѣрить. Вонъ въ ту гостинницу ходитъ и порядочный народъ.

— Въ какую это?

— А вонъ тамъ, за оврагомъ-то. Мы туда и идемъ.

По выходѣ изъ села дорога идетъ углубленіемъ; по лѣвую ея сторону, къ Москвѣ рѣкѣ, открывается огромный оврагъ, а по правую ложбина, носящая значительные слѣды земляныхъ работъ.

— Это что́ здѣсь за работы происходили? спросилъ я Степана Дмитрича.

—А здѣсь хотѣли было закладывать храмъ-то. Да грунтъ-атъ земли оказался неудобнымъ. Ну, и перенесли на другое мѣсто, да и тамъ то же не годится.... Видите, здѣсь все глина да песокъ, — съ эвтимъ ничего не сдѣлаешь. Окромѣ того, много ключей идетъ изъ

берега, а въ постройкѣ это бѣдовое дѣло. Вь селѣ Р...., я знаю, то же строили церковь, — на берегу рѣки, мѣстоположеніе чудное; видъ, я вамъ скажу, восхитительный. Выстроили; церковь не слишкомъ большая, а порядочная; внутри сдѣлана была безъ столбовъ, а сведена огромнымъ куполомъ съ пятью главами. Чтó бы вы думали? Года два съ небольшимъ постояла она, да и рухнула. — Хорошо еще, что никого не задавила. —

Выходя изъ углубленія, дорога, немного искривившись, поднимается въ гору. Взошли мы на гору,—и влѣво отъ дороги открылся довольно отлогій берегъ рѣки, а на-право возстала передъ нами новая гора-равнина, составляющая,—такъ сказать,—вѣнецъ Воробьевыхъ Горъ.

— Это, должно быть, самое высокое мѣсто на Воробьевыхъ Горахъ, сказалъ я Степану Дмитричу.

— Да-съ; кажется, выше этого нѣтъ.

Поднялись мы на эту возвышенность, и Москва распахнулась передъ нами, — если можно такъ сказать, — вся цѣликомъ *),—какъ-будто вдругъ, дѣйствіемъ волшебства, выступила она изъ нѣдръ земли. Безъ пособія зрительной трубы, на самомъ отдаленномъ горизонтѣ довольно ясно видны отселѣ самыя крайнія оконечности Москвы, — Три-Горы, Сухарева башня и даже черныя верхушки Сокольниковъ. Но, на этотъ разъ, картина Москвы была не такъ отчетлива, не такъ выпукла, какою видѣлъ я ее при первомъ моемъ путешествіи на Воробьевку. Теперь день былъ ясный, жаркій; дождя ужь давно не бывало, и надъ Москвою разстилались густыя облака пыли, значительно уменьшавшія прелесть картины. Разгоряченный воздухъ тихо волновался, между Москвой и нашими глазами рябили струи колыхавшагося свѣта, и Москва представлялась, какъ-будто, въ ослѣпительномъ туманѣ, задернутая свѣтло — яркой золотистой кисеей....

И послѣ часто я замѣчалъ, что въ различное время дня, и, смотря по различію погоды, видъ Москвы съ Воробьевыхъ Горъ принимаетъ разнообразный характеръ.—Утромъ,—когда восходящее солнце обольетъ волнами свѣта просыпающуюся Москву,—надъ ней поднимется какъ-будто туманъ, и тотчасъ же исчезнетъ въ нахлынувшемъ приливѣ свѣта. Какъ проснувшаяся красавица, которой не хочется под-

---

*) Исключая разумѣется, Замоскворѣчья.

няться съ мягкаго ложа, Москва взглянетъ лѣниво и какъ-будто съ укоромъ на свѣтъ Божій, за чѣмъ онъ перервалъ крѣпкій сонъ ея...

Но вотъ солнце поднялось на горизонтѣ, и Москва, пріодѣвшись, пріубравшись, зорко и весело смотритъ кругомъ, и гордо поднимаетъ къ небу кремлевскія башни, златоглавые храмы и златоблещущій дворецъ.

Наступаетъ полдень, и, Москва, какъ-будто, отуманенная дневными хлопотами своихъ обитателей, и утомленная удушливымъ зноемъ, тускло смотритъ сквозь густые облака пыли, насѣвшія на ея вѣжды, и какъ-будто дремлетъ, въ ожиданіи совершеннаго усыпленія....

Но — повѣялъ прохладный вѣтерокъ, — заколыхались воробьевскіе старики — деревья, зашелестили листья молодыхъ вишенъ и яблонь,—изъ-за Сокольниковъ поднимаются густыя облака,—въ отдаленіи слышны перекаты грома,—улегается пыль, и,—давно желанный, освѣжительный дождь обильно льется на истомленную жаждой Москву.... Часа черезъ два дождь прошелъ, солнечный свѣтъ потокомъ разлился опять на влажную землю, и Москва, умытая, освѣженная, снова является въ своемъ утреннемъ убранствѣ, веселая, пышная, величавая!...

Полюбовавшись Москвой, спустились мы со Степаномъ Дмитричемъ съ горы-равнины опять на дорогу, и продолжали свое quasi—историческое путешествіе.

Черезъ дорогу отъ этой горы-равнины, на нѣсколько саженъ тянется ветхій заборъ, въ срединѣ котораго находятся всегда растворенныя ворота; это — ветхое преддверіе такой же ветхой гостинницы.

Вотъ что Степанъ Дмитричъ разсказалъ мнѣ о постройкѣ этой гостинницы:

— Какъ принялись здѣсь за строеніе храма, одинъ купецъ N. и разсчелъ, что будетъ очень выгодно выстроить здѣсь гостинницу, — взялъ землю на откупъ, да и выстроилъ; подѣлалъ въ рощѣ разныхъ разностей, — провелъ дорожки, устроилъ бесѣдки,— все во вкусѣ. И шли у него сначала дѣла лучше быть нельзя. Народу, по случаю строенія храма, здѣсь было такое множество, какого Воробьевка отродясь не видала, да, я думаю, и не увидитъ. Мало ли было одпихъ подрядчиковъ, надсмотрщиковъ, чиновной братіи, а объ работникахъ ужь и говорить нечего. Ну, и выгодно было очень N., а впереди онъ еще думалъ получить золотыя горы. Да окромѣ того, вѣдь говорятъ, хотѣли здѣсь и мостъ сдѣлать черезъ рѣку, а тамъ черезъ огороды провести плотину....

Да вотъ и нѣтъ! Видно нашему брату впередъ загадывать не приходится.... Никто,—какъ Богъ! Ну-съ, такъ вотъ, какъ храмъ-то оставили строить, лопнули и всѣ затѣи N.

Кто бывалъ на Воробьевыхъ Горахъ, тотъ, разумѣется, непремѣнно посѣтилъ и эту гостинницу. Теперь она далеко не похожа на то граціозное строеніе, какимъ, вѣроятно, была, и какимъ хотѣлъ сдѣлать ее строитель. И заборъ, который тянется вдоль дороги на нѣсколько саженъ,—и ворота, черезъ которыя вы всходите на мостки, ведущія въ гостинницу, — и галлерея, окружающая гостинницу, и лѣтомъ почти каждый день наполненная группами гуляющихъ обоего пола, вооруженныхъ кто зрительной трубой, кто биноклемъ, кто просто лорнеткой, и любующихся Москвой, — и самая гостинница отъ полу до стѣнъ и до потолка, — все это покосилось, ветхо, близко къ разрушенію. Въ нижнемъ этажѣ гостинницы и въ окружающихъ ее домикахъ живутъ этапные солдаты съ семействами, и они, — вмѣсто проворныхъ половыхъ Ярославцевъ, наполняющихъ московскіе трактиры, — угостятъ васъ здѣсь самоваромъ, такъ называемыми сливками, и, если хотите, яицами въ смятку за непомѣрно впрочемъ дорогую цѣну.

Прошедши гостинницу, мы вздумали со Степаномъ Дмитричемъ покупаться, потому что становилось довольно жарко, и начали спускаться внизъ къ рѣкѣ по довольно широкой тропинкѣ, наискось проложенной между частыми деревьями, покрывающими эту часть берега. Спустившись шаговъ на десять къ рѣкѣ, я увидѣлъ влѣво отъ тропинки небольшую четвероугольную гранитную массу, поросшую мохомъ и травой. Степанъ Дмитричъ объяснилъ мнѣ, что на этомъ самомъ мѣстѣ и былъ заложенъ храмъ.

—Да-съ, говорилъ Степанъ Дмитричъ,—Богу знать ужь не угодно было, чтобы здѣсь воздвигнутъ былъ храмъ, а вѣдь это было бы осьмое чудо въ свѣтѣ! Посмотрите, какая высота!.... —

Воробьевы горы дѣйствительно и сами-то собой какъ-будто отдѣляются здѣсь отъ всей прочей окрестности, и словно нарочно нагромождены, чтобъ удивлять зрителя. А будь здѣсь храмъ, — это была бы въ самомъ дѣлѣ чудная картина! А вся бѣда въ томъ, что эти же самыя горы, которыя такъ величавы и живописны, не удобны для строенія....

— Слышите, журчитъ? сказалъ мнѣ Степанъ Дмитричъ, — это бѣжитъ ключь почти изъ-подъ эвтихъ самыхъ камней, что̀ оставлены на мѣстѣ закладки....

Послѣ купанья взглянули мы на водоподъемную машину, посредствомъ которой снабжается москворѣцкой водою тюремный замокъ, и потомъ опять пошли въ гору по той же тропинкѣ.

Идя далѣе берегомъ дошли мы до небольшой землянки, служащей, кажется, пороховымъ магазиновъ для этапной команды. Здѣсь Степанъ Дмитричъ остановился, и сказалъ мнѣ:

— Вотъ отсюдова и Бонапартъ любовался Москвой.

— Неужели и онъ былъ на Воробьевыхъ Горахъ?

— Какъ же! Вѣдь это, я вамъ скажу, такой былъ *проходимъ*....

— Чтò ужь и говорить! перервалъ я Степана Дмитрича.—И пошли мы далѣе.

Пройдя мимо церкви тюремнаго замка до Мамоновской дачи, вернулись мы со Степаномъ Дмитричемъ назадъ. Дошли опять до горы-равнины, и, взобравшись на нее, направились въ сторону противоположную рѣкѣ, къ старымъ деревьямъ, которыя видны здѣсь почти изъ всѣхъ частей Москвы,—но которыхъ число, къ сожалѣнію, уменьшается болѣе и болѣе. Въ старину, очевидно, здѣсь была прекрасная роща; и доселѣ еще видны здѣсь слѣды порядка въ расположеніи деревьевъ и мѣстами слѣды дорожекъ. Много лѣтъ пронеслось надъ этой главизной Воробьевыхъ Горъ, и, какъ на головѣ преклоннаго старика, едва осталось по бокамъ ея нѣсколько крѣпкихъ волосъ,—нѣмыхъ свидѣтелей минувшаго, да и тѣ, вѣроятно, скоро отправятся въ слѣдъ за своими собратами, послѣ которыхъ торчатъ здѣсь только коренастые пни....

Прошедши равнину до того мѣста, гдѣ она отдѣляется рвомъ отъ сосѣдняго поля, пошли мы опять къ дорогѣ.

Здѣсь Степанъ Дмитричъ сказалъ мнѣ съ важностью:

— Теперь я покажу вамъ, чтò всего замѣчательнѣе, и чего почти никто здѣсь не знаетъ.

— Чтó же это такое?

— А вотъ увидите.

Степанъ Дмитричъ взялъ немного вправо, и скоро дошли мы до уступа, которымъ оканчивается равнина, въ направленіи къ замку. Спустились мы внизъ, и очутились на проѣзжей дорогѣ. Тутъ Степанъ Дмитричъ остановился, и, торжественно указывая на нѣсколько кирпичей, торчащихъ изъ земли, спросилъ меня:

— Эго чтó бы вы думали?

— Кирпичи, какъ видите.

— Разумѣется, кирпичи, да откуда взялись они здѣсь?
— Можетъ быть, здѣсь были кирпичные заводы.
— Нѣтъ-съ, не то́. Здѣсь,—мнѣ говорилъ покойный дѣдушка, —былъ въ старину загородный царскій дворецъ....
— Въ самомъ дѣлѣ? На этомъ самомъ мѣстѣ?
— Да-съ. Построенъ этотъ дворецъ еще до Ивана Васильевича до Грознаго, и Грозный не рѣдко въ лѣтнюю пору живалъ здѣсь по нѣскольку дней. А еще дѣдушка мнѣ разсказывалъ, что въ этомъ дворцѣ живала потомъ лѣтомъ и Царевна Софія Алексѣевна. Устроены были при ней здѣсь, говорятъ, сады, пруды, — одинъ и теперь есть, — замѣтили вы давича, влѣво отъ деревьевъ-то?
— Какже, замѣтилъ.
— Ну, вотъ-съ. Окромѣ того, подѣланы, говорятъ, были бесѣдки, дорожки въ рощѣ, были густыя аллеи, — къ рѣкѣ устроена была тоже дорожка, — а на самой рѣкѣ купальни, — все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. Проживала здѣсь Царевна Софія Алексѣевна лѣтомъ, говорятъ, по недѣлѣ и больше, и принимала царедворцевъ по просту, безъ чиновъ....*). Не знаю, правда ли,—я передаю, что̀ мнѣ дѣдушка говорилъ....
— Все это, разумѣется, очень могло быть, но дѣло въ томъ, что до Петра Великаго, здѣсь рощи-то, кажется, не было. Она и насажена-то, если не имъ самимъ, то по крайней мѣрѣ подъ его надзоромъ, по его мысли.
— Такъ-съ.... — Такъ стало быть?....
— Стало быть, могло здѣсь быть при Софіѣ Алексѣевнѣ все, что́ угодно, кромѣ рощи. Но это бѣда не велика. Дѣло вотъ въ чемъ: не знаете ли вы, когда и какъ окончательно разрушился здѣшній дверецъ?
— Разсказывалъ мнѣ дѣдушка и объ этомъ, да признаться,—хорошенько не помню. Только это было давно, не то при Елисаветѣ Петровнѣ, не то при Екатеринѣ; больно малъ еще я былъ, какъ дѣдушка-то разсказывалъ.

Нѣсколько времени шли мы послѣ того молча, но наконецъ Степанъ Дмитричъ заговорилъ о 12-мъ годѣ.

---

*) Авторъ ручается только за подлинность, но не за *историческую достовѣрность* разсказовъ Степана Дмитрича. Во всякомъ случаѣ однакожь, — вѣрны или нѣтъ эти разсказы исторически, — они имѣютъ свою важность, какъ мѣстныя преданія.

— Въ 12-мъ году, говорилъ Степанъ Дмитричъ, Воробьевка, какъ и Москва, тоже была разграблена, опустошена, — однакожь домà почти всѣ уцѣлѣли. Отецъ мой, — сказывалъ, — въ плѣну былъ у Французовъ-то. Онъ былъ еще въ тѣ поры лѣтъ 20-ти не больше, такъ похрабрился, вздумалъ остаться на Воробьевкѣ, — его и забрали Французы, да заставили картофель копать, воду носить. Недѣли двѣ покойникъ промаялся у нихъ. Сперва, говоритъ, страшно было, а тутъ привыкъ. Дня по три маковой росины во рту не бывало, да и не диво, — когда самимъ-то Французамъ ѣсть было нечего. А тутъ какъ пошли непріятели вонъ изъ Москвы, погнали передъ собой и плѣнныхъ. Пошли они по Можайкѣ, — ну, да знаете, надзоръ-то за плѣнными плохой, — ужь тутъ не до другихъ, когда самимъ бы только ноги уплести, — тятенька, не доходя до Сѣтуни, — десять верстъ отсюдова деревня по Можайкѣ, — далъ тягу да и вернулся на Воробьевку. Вотъ вѣдь какъ Богъ-то сохранилъ! — На Воробьевкѣ, — пришелъ тятенька, — все пусто, чисто, какъ есть. Дѣдушка еще до Французовъ уѣхалъ съ кой-какимъ имѣніемъ въ Ярославль, и деньжонки съ ними были. Съ мѣсяцъ тятенька кой-какъ перебивался пополамъ съ голодомъ и холодомъ. А тутъ, какъ прогнали совсѣмъ непріятеля, дѣдушка и пріѣхалъ изъ Ярославля, отыскалъ тятеньку, и пошло все своимъ порядкомъ; поправили домъ, садъ и все, какъ слѣдуетъ, хозяйство. Черезъ годъ никакъ послѣ Французовъ-то тятенька и женился, а тутъ года черезъ четыре и я на свѣтъ Божій родился. Вотъ-съ она, исторія-то какая!

— А нѣтъ еще ничего здѣсь замѣчательнаго? спросилъ я Степана Дмитрича, когда ужь мы взошли въ село.

— Кажется, ничего-съ. Развѣ.... развѣ вотъ этотъ мужикъ?...., сказалъ Степанъ Дмитричъ, съ презрительной усмѣшкой указывая на своего собрата, только что вышедшаго изъ распивочной и зигзагами пробиравшагося домой вдоль по улицѣ. Эта, — замѣчательная, по словамъ Степана Дмитрича, — личность бормотала что-то себѣ въ бороду, и сильно размахивала руками. Она была безъ шляпы; волосы были у ней растрепаны; кой-какъ накинутый на плечи сермяпный армякъ волочился по землѣ....

— А! я нѣсколько разъ видалъ здѣсь этого молодца, сказалъ я; — по чѣмъ же онъ замѣчателенъ?

— Да, во-первыхъ, у него замѣчательна самая фамилія — Качалкинъ; потомъ, онъ замѣчателенъ тѣмъ, что, — должно быть въ силу

прозвища, — почти постоянно качаетъ здѣсь, въ распивочной, и его встрѣтишь тутъ почти каждый Божій день утромъ и вечеромъ.... Утромъ онъ обыкновенно, тихими стопами, скромникомъ эдакимъ, пробирается въ распивочную, а вечеромъ, настоящимъ героемъ выходитъ изъ нея, и путешествуетъ домой. Сегодня, для праздника, онъ напился пораньше обыкновеннаго: знаете, кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ, пословица говорится.—Кутила страшный, а чудесно могъ бы жить,—садъ у него—просто сокровище. При томъ же, онъ ужасный хвастунъ,—и городитъ про себя всѣмъ и каждому такіе нелѣпицы, такую дичь, что уши вянутъ. Познакомьтесь съ нимъ, — онъ такой забавный....

— Ну ужь, въ другой разъ когда-нибудь. А теперь, я думаю, Ѳедоръ Яковличъ ждетъ меня обѣдать.

Но, сверхъ всякаго ожиданія, мнѣ именно въ эту минуту суждено было познакомиться съ Качалкинымъ. Только что поровнялись мы съ нимъ около спуска съ горы, какъ онъ, обернувшись къ намъ, остановился и величественно раскланялся съ нами. Остановились и мы.

— Здравствуйте, господа! сказалъ онъ.

— Здорово! отвѣчалъ я, осматривая его съ ногъ до головы. — Съ виду Качалкину нельзя было дать больше 40 лѣтъ, но ему было въ то время уже за 50. Это былъ мужчина высокаго роста, широкоплечій, мускулистый и, должно быть, здоровенный. Черты лица у него довольно правильныя, хотя слишкомъ рѣзкія; въ его глазахъ, не смотря на вѣчный кутежъ, свѣтился умъ и сметливость, какія рѣдко встрѣчаются у постоянныхъ посѣтителей извѣстнаго рода заведеній.

Пока я смотрѣлъ на Качалкина, Качалкинъ, обозрѣвъ меня, бросилъ испытательный взглядъ на Степана Дмитрича, и, узнавши его, сказалъ:

— А! это ты, Степанъ; а я было тебя, братецъ, и не узналъ,— вишь вѣдь ты какимъ бариномъ смотришь.

Степанъ Дмитричъ покраснѣлъ до ушей, пробормоталъ про себя слово — *пьяница*, отвернулся, и пошелъ домой.

— Вишь какая недотрога!—говорилъ ему вслѣдъ Качалкинъ, — дрянь вѣдь, сущая, какъ есть, дрянь, а то же норку деретъ. Мы, дескать.... Не тронь насъ.... Эхъ, такъ бы....— А вы, смѣю спросить, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—вы не изъ ученыхъ ли?—

И при этомъ вопросѣ онъ вытянулся и приободрился, какъ-будто былъ ни въ одномъ глазѣ.

— Есть немножко, сказалъ я.

— Я люблю ученыхъ, продолжалъ тономъ покровительства Качалкинъ:—я вѣдь самъ, — нужды нѣтъ, что мужикъ, я самъ—ученый. Да-съ!

Я съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Чтó вы такъ смотрите на меня? продолжалъ Качалкинъ; — вы думаете, я вру? Нѣтъ-съ, извините. Я въ Дерптскомъ Университетѣ, милостивый государь, учился,—ѣзжалъ туда по торговымъ дѣламъ, да и учился,—87 правилъ математики зналъ, географію училъ и грамматику, — теперь ужъ забылъ, а прежде зналъ; я знакомъ былъ со здѣшними университетскими учителями. Шмита знали вы? Большой мнѣ пріятель былъ, и какая голова,— я вамъ скажу! Онъ часто у меня гащивалъ здѣсь. Не угодно ли будетъ и вамъ завернуть ко мнѣ, милости прошу. Вѣдь вы погулять сюда пожаловали изъ Москвы?

— Нѣтъ, я живу здѣсь.

— У кого же?

— У Степана Дмитрича.

— А! У Степана Дмитрича! Стало быть, мы почти что сосѣди. Степанъ-отъ Дмитричъ — птичка! Думаетъ о себѣ ни вѣсть что. А чтó онъ? Дрянь, выѣденнаго яица не стоитъ.—Такъ пожалуйте, когда вамъ будетъ угодно; у меня въ саду, я вамъ скажу, и персики, и ананасы, и виноградъ есть, зимой и лѣтомъ, когда угодно; все у меня есть. Не угодно ли я вамъ сегодня же пришлю малины или смородины?

— Очень пріятно.

— Будьте спокойны; сегодня же пришлю.

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ, у васъ и ананасы, и виноградъ есть? спросилъ я Качалина тономъ сомнѣнія.

— Да, и ананасы, и виноградъ самый лучшій.

— Все-то вретъ! экой емеля, пьяница! послышался близь насъ чей-то голосъ.

Мы оглянулись. При самомъ спускѣ горы, около старенькаго погреба, стоялъ молодой парень, такъ неожиданно перервавшій нашу бесѣду.

— Такъ я вру? я пьяница? — грозно вскричалъ Качалкинъ, оборотившись къ нему.

— Ну, да, врешь! пьяница! А господа слушаютъ дурака....

— Ахъ ты пащенокъ! — Да я тебя.... убью! громовымъ голосомъ крикнулъ Качалкинъ, и съ быстротою молнiи кинулся къ парню, оглашая воздухъ самыми энергическими ругательствами; тотъ побѣжалъ отъ него подъ гору, Качалкинъ — вслѣдъ за нимъ, а я пошелъ домой.

Часто и послѣ встрѣчался я съ грознымъ Качалкинымъ, и, какъ знакомые, мы очень миролюбиво бесѣдовали съ нимъ о Дерптскомъ университетѣ, объ ананасахъ и виноградѣ, — но обѣщанной малины онъ мнѣ не присылалъ и до сихъ поръ.

VI. *Воробьевское утро.—Покупщикъ и продавецъ.—Лавочникъ и его клiенты.*

Я поселился на Воробьевкѣ въ самую благоуханную пору собранiя клубники, малины и смородины. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная пора! Вся Воробьевка какъ-будто пропитана ароматическимъ запахомъ душистыхъ ягодъ. И, когда бывало побываешь въ Москвѣ, и воротишься вечеркомъ на Воробьевку, то сравненiе, какое невольно дѣлаешь между тамошней атмосферой и воробьевскою, слишкомъ не выгодно для Москвы. И какое раздолье, какой здѣсь просторъ глазу и воображенiю! Раннимъ утромъ, только что взойдетъ солнышко, когда Москва, окутанная густымъ туманомъ, едва начинаетъ прочищать заспанныя рѣсницы, и лѣниво, сонно выглядываетъ изъ-подъ своего хмураго полога, — здѣсь въ эту пору уже кипитъ, можно сказать, жизнь и дѣятельность. Хозяйки сгапиваютъ съ дворовъ своихъ коровушекъ-кормилицъ,—и добрыя животныя послушно идутъ за своимъ вожатымъ—пастухомъ. Вотъ пастухъ заигралъ на рожкѣ свою заливную пѣсню, — сильные звуки на утренней зарѣ далеко разносятся по горамъ и повторяются въ безчисленныхъ отголоскахъ, — и послушное стадо, дружно, хотя нельзя сказать, чтобы гармонически,—вторитъ своему артисту—вожатому. Вонъ наемщицы расходятся ужь по садамъ полоть траву и собирать ягоды;—угрюмы, суровы ихъ загорѣлыя лица; лѣниво, молча идутъ онѣ, то группами, то по одиночкѣ на работу; тяжело было, не хотѣлось имъ

разставаться съ своей жесткой постелью, — вчера легли онѣ поздо, сегодня поднялись рано, да и опять на цѣлый день на работу! А нельзя, — нужда! И работаютъ онѣ безъ отдыха съ ранняго утра до поздней ночи за гривенникъ въ день!... Еще то хорошо, по крайней мѣрѣ, на хозяйскихъ харчахъ....

Вотъ поднимается со сна и знаменитый воробьевскій кутила, въ родѣ Качалкина. Такъ какъ человѣку нельзя же быть безъ имени, то назовемъ его хоть *Валяевымъ*. Валяевъ сильно подгулялъ вчера на вырученныя за ягоды деньги, и теперь находится въ самомъ плачевномъ положеніи. Сильно трещитъ у него съ похмѣлья головушка, и хочется ему полечиться, да не на что. Сердито взглядываетъ онъ на свѣтъ Божій, какъ будто онъ провинился передъ нимъ, и его тяжелые вѣки невольно снова закрываются, — но не спится ему и спать не хочется, а думаетъ онъ думушку, какъ бы эдакъ достать гдѣ-нибудь на похмѣлье. Тарасъ Ивановъ больше ему не вѣритъ: отдай, говоритъ, четыре-то двугривенныхъ, а то пей на чистаганъ.... И вотъ выдумалъ онъ....; идетъ къ Ивану Егорову, богатому сосѣду,— который скупаетъ сады гуртомъ, а самъ собираетъ плоды, да и возитъ продавать въ Москву. — »Такъ и такъ,« говоритъ Валяевъ Ивану Егорову, — »купи, говоритъ, садъ-атъ у меня; гдѣ, говоритъ, мнѣ самому возиться съ нимъ. — Да ужь половина обрана небось, флегматически замѣчаетъ ему Иванъ Егоровъ, зѣвая со сна. — Нештò вѣдь половина! поди погляди, — вѣдь дѣло-то видимое.« — И Иванъ Егоровъ снисходительно идетъ въ садъ къ Валяеву....

Садъ большой, да уходъ-то за нимъ плохой. Плохо у Валяева въ саду,— деревъ и много, а проку мало.— »Ишь малина-то какъ попадала«, замѣчаетъ Иванъ Егоровъ, — »вся повалилась на земь да подопрѣла, — половины ягодъ какъ и не бывало. Чего ты глядѣлъ, не подчистилъ, да не подперъ тычинками? Эхъ голова!— Подпиралъ, Иванъ Егорычъ, ей Богу, подпиралъ, отъ вѣтру никакъ попадали. — Какъ же, отъ вѣтру! Въ головѣ развѣ у тебя вѣтеръ-то! Садъ-то не съ краю села, а въ самой серединѣ, — тутъ и вѣтру-то не бываетъ. А вонъ вишни-то какъ подсохли, — ишь всего сучка два три здоровыхъ-то, а то все сушь. Да и яблони-то! эхъ братъ! вотъ оно чтò, не къ рукамъ-то пришлось! А вѣдь не садъ бы, — золото, коли бы уходъ-то былъ. Ишь и гряды-то на живую нитку вскопаны, вонъ и клубника-то словно калина,—мелюзга, да и скусу чай

никакова!—Вода!« сказалъ Иванъ Егорычь, попробовавши клубнику.... Чтб тутъ покупать-то?« — Валяевъ молчитъ, и только отдувается; конечно, уходъ у него за садомъ нельзя сказать чтобы слишкомъ большой, да ужь все же и не такъ плохъ садъ, какъ говоритъ Иванъ Егорычь. Чувствуетъ и знаетъ Валяевъ, что Иванъ Егоровъ прижимаетъ его, а дѣлать нечего.—»Ну ужь совсѣмъ разхаялъ!« проговариваетъ онъ наконецъ.—»А то чтб же? Не расхвалить ли тебѣ! Радъ бы похвалилъ, да нечего. — Чтò видишь, то и купишь,«—смиренно говоритъ продавецъ,—»вѣдь я не обманомъ хочу взять, чтò есть, то и есть.... Покупай, Иванъ Егорычь! что тутъ калякать-то! Вчера я, признаться, подгулялъ немножко со сватомъ Трифономъ, а сего-дня голова словно треснуть хочетъ. Вотъ и пошли бы, спрыснули — ты покупку, я—продажу.... Ну чтò ли?—Да пожалуй, я купить-то куплю, только дорого не дамъ. Двадцать рубликовъ серебромъ— хошь? — Помилуй, Иванъ Егорычь, да прошлый годъ и вишенью-то былъ не-родъ, да и яблокъ было манехонько, и то я продалъ садъ-то за пятьдесятъ серебромъ! Что ты, побойся Бога-то.— Бога-то я боюсь, а больше двадцати пяти не дамъ. Хошь — бери, а не хошь, какъ хошь. Поди-ка, московскіе-то прàсолы дороже дадутъ тебѣ. Подставляй карманъ, держи крѣпче, а тò пусто-то вывилится. Знаемъ мы московскихъ-то прасоловъ. Мы, по-крайности, свои люди, и на-предки пригодимся, дѣло сосѣдское, не тѣмъ такъ другимъ, а—глядишь—и поможемъ.—Ну изволь, десятокъ скину съ костей долой изъ 50-ти-то« говоритъ Валяевъ,—»сорокъ серебромъ возьму.—Хошь 30? послѣднее слово,— больше не дамъ ни копѣйки, и шабашъ!« — Валяевъ жмется; жаль ему продать за безцѣнокъ,— а голова трещитъ, трещитъ,— и вотъ онъ отчаянно машетъ рукой и продаетъ садъ за 30 цѣлковыхъ, тогда какъ стоитъ онъ по крайней мѣрѣ пятидесяти.... Иванъ Егоровъ даетъ ему задатокъ, и покупщикъ и продавецъ отправляются въ только что отпертую распивочную.... — Продалъ да и баста! Мнѣ никто не указъ! Хорошему человѣку отъ чего же и не уступить? Уступилъ да и разъ! —

И покупщикъ вступаетъ въ полныя права надъ садомъ Валяева; рядитъ сторожа караулить его по ночамъ; а днемъ самъ нѣсколько разъ навѣдается, не балуетъ ли кто. И дѣткамъ Валяева строго настрого запрещено не только сорвать нѣсколько ягодъ, но даже не

велѣно и носа показывать въ садъ. А коли попадутся, отдерутъ ихъ такъ, что до новыхъ вѣниковъ не забудутъ....

Не зачѣмъ идти намъ за Валяевымъ въ воробьевскій клубъ, посѣщаемый постоянно и исключительно туземцами, а по временамъ и *кой-кѣмъ* изъ гуляющихъ.... Утромъ здѣсь нѣтъ почти никого, за то вечеромъ—разливанное море! Крики, брань, пѣсни, хохотъ, а то и, плачь, здѣсь такъ перемѣшаны, что рѣшительно нѣтъ ни возможоости, ни охоты наблюдать эти сцены, встрѣчающіяся впрочемъ ежедневно и въ Москвѣ въ любомъ изъ подобнаго рода »заведеній«... Здѣсь рѣшительно ничего невозможно разслушать, кромѣ безалабернаго, дикаго шума, среди котораго едва разберешь, что вотъ эти, на примѣръ, два непремѣнные члена съ непомѣрно-надувшимися щеками, съ дико-сверкающими глазами, съ широко разинутыми ртами, что-то поютъ, хотя опредѣлить, что̀ именно поютъ, — и сами они не въ состояніи, — что вонъ этотъ рыжій, съ козлиной бородой, съ жаромъ убѣждаетъ въ чемъ-то своего лысаго сосѣда, который, не разслушивая ни слова, только мотаетъ головой и смотритъ на него глазами, выражающими полное отсутствіе всякой мысли, — что.... Впрочемъ, сцены эти такого рода, что какъ-то тяжело на нихъ останавливаться....

Утра еще не много; хозяйки только что начинаютъ затапливать печи; надъ домами кой-гдѣ поднимается жиденькій дымъ; дачники и дачницы только-что встаютъ со сна. Но толстый лавочникъ давно ужь отперъ свой магазинъ, и самодовольно посиживаетъ на своемъ стулѣ-складнѣ. Много ужь сего-дня перебывало у него покупателей, много придетъ и еще, да досадно, — почитай все въ долгъ берутъ, на книжку.— »Вонъ хоть бы и эта идетъ (думаетъ про себя лавочникъ) разсамаха-то Акулина, что̀ у чиновниковъ живетъ; мѣсяцъ ужь прошелъ, а денегъ за заборъ еще не платили, да они же кричатъ: дорого! — имъ бы даромъ!«

— Ну что̀ тебѣ, говоритъ онъ съ досадою вошедшей въ лавку кухаркѣ.

— Что̀! Вѣстимо что̀: говядины 5 фунтовъ; капусты на пятакъ серебра; крупъ гречневыхъ, картофелю, да соли.

— Скажи господамъ-то; пора поплатиться.

— Нешто не говорю; кажинный день говорю: »Григорій, молъ, Ермолаичъ денегъ проситъ.« — Успѣетъ еще, говорятъ, — у него больше нашего.

— Какъ знать, больше ли, — говоритъ Ермолаичъ, самодовольно поглаживая бороду, — намъ деньги нужны; безъ денегъ носа нельзя въ Москву показать: вотъ вчера на Смоленскомъ рынкѣ былъ; тамъ на книжку-то не даютъ, — чистаганъ бы былъ, — и не видалъ, какъ издержалъ сорокъ серебромъ! Такъ ужь ты такъ и скажи: Григорій, молъ, Ермолаичъ больно проситъ....

— Скажу, безпремѣнно скажу. А ты вѣсь-ко говядину-то. Вотъ этотъ филей.

— Нѣтъ, ужь этотъ проданъ.

— Какъ не проданъ! проданъ такъ бы тутъ не оставили.

— Честное слово, проданъ. Приходила кухарка отъ смотрителя изъ замка да и купила, а сама пошла къ кому-то на село, зайти хотѣла. — Вотъ и эвтотъ кусокъ не уступитъ филею-то, што-што бокъ, — право слово. Не такъ жиренъ, а скусъ одинъ.

И Ермолаичъ проворно вѣситъ говядину, крупу, соль, даетъ кухаркѣ мѣрку картофелю и кочанъ капусты.

— Да скажи господамъ, что говядина вздорожала; по 18 съ деньгой.

— У тебя все дорожаетъ. А въ Москвѣ, чай, все въ одной цѣнѣ.

— То Москва, а то Воробьевка; до окромѣ того, на книжку, — все счетъ составляетъ. Вотъ у Пахома Егорова жильцы-то такъ любо-дорого, — какъ первое число, такъ и денежки всѣ сполна. Любезное дѣло! — Такъ смотри же, прибавилъ Григорій Ермолаичъ, — такъ и скажи господамъ, что въ послѣдніе отпущаю; какъ денегъ не отдадутъ, больше и вѣрить не стану.... — А тебѣ чтó, Анисья? обратился Ермолаичъ къ весноватой бабѣ, только что вошедшей въ лавку.

— Вотъ барышни — жилицы записку прислали.

— Давай сюда. Чтó тамъ за записки такія! Ишь, какое счастье! — примолвилъ Ермолаичъ ухмыляясь, — барышни сами записки намъ шлютъ. — И въ слухъ прочиталъ слѣдующее:

Милосливай гасударь

Григорей Ирмалаичъ!

»Мы живѣмъ у извѣснова вамъ у Ѳѣдара Пятровича атпуститѣ пажалуста чаю асмушку полутчѣ и адинъ фунтъ сахару чемъ прѣмнога обяжетѣ готовыхъ къ вашимъ услугамъ —

Анну Пышкину и Зиновью Аладьину.«

— Ишь ты! готовы къ услугамъ, — какіе подводятъ турусы на колесахъ.... Знаемъ мы!.... — глубокомысленно замѣтилъ Григорій Ермолаичъ, и перевернулъ записку.

На другой сторонѣ былъ слѣдующій постскриптумъ:

»Завтрѣ или послезавтрѣ къ намъ придутъ изъ Москвы братцы; тотчасъ же мы и принесѣмъ вамъ.

— Знаемъ мы энтихъ братцевъ! Видали! Братцы!.... — А часто бываютъ у нихъ братцы-то? спрашиваетъ Ермолаичъ весноватую бабу.

— Раза два, а то и три на недѣлѣ.

— А много ихъ?

— Двое. У обѣихъ по братцу.

— Мало. Не мѣшало бы по два, либо по три,—и Ермолаичъ значительно подмигнулъ. Анисья разсмѣялась.

— Ну такъ что́ же, отпустишь что́ ли? — сказала она. — Мнѣ некогда, самоваръ поставила да и пошла. Пожалуй уйдетъ.

— Не спѣши, скоро-то не здорово; ты скажи сперва: есть ли у нихъ эдакъ что-нибудь изъ имущества-то? пожалуй вѣдь дай, да послѣ самъ на себя и пеняй. Знаемъ мы барышень-то эдакихъ, — голь — вотъ она что!

— Мало ли у нихъ имущества, салопы, мантильи, шляпки.

— Э! все это, сударыня, тряпки,—веретеномъ стряхнуть. Нѣтъ ли чего эдакъ попрочнѣе-то изъ мебели, али изъ посуды?

— Шесть стульевъ, два стола, самоваръ, двѣ ложки чайныя.

— Это вотъ нешто̀. Теперь мы пожалуй отвѣсимъ и чайку и сахарцу.

И Григорій Ермолаичъ дѣйствительно отвѣсилъ того и другаго,— только вѣсы оказались что-то не совсѣмъ удовлетворительными, —

должно быть, отсырѣли ночью, такъ что, для соблюденія равновѣсія, онъ принужденъ былъ немножко потянуть рукой внизъ ту чашку, въ которую клалъ вѣсомыя вещества....

Проворно завернулъ онъ чай и сахаръ въ бумажку, и, отдавая Анисьѣ, приказалъ передать барышнямъ, что всего тутъ на 58 коп. сер.

— Смотри же не забудь,—примолвилъ онъ, когда Анисья вышла уже изъ лавки:—58 коп. серебромъ!

— Не забуду. Не Богъ знаетъ — какія деньги.

Въ слѣдъ за ней вышла и кухарка, наблюдавшая всю эту сцену и потомъ, разумѣется, разблаговѣстившая ее по селу съ приличными варіаціями и прибавленіями.

—

Приходитъ Анисья домой. Барышни, наперерывъ одна передъ другой, спрашиваютъ ее, отпустилъ ли Григорій Ермолаичъ.

— Отпустилъ, небрежно отвѣчаетъ Анисья, кладя на столъ чай и сахаръ.

—Ну, что́ ты говорила Зина,—не отпуститъ? Анъ вотъ и отпустилъ. Ахъ, какой милашка этотъ Григорій Ермолаичъ! Я сама, право, не ожидала отъ него такой любезности.

— Да что такъ мало! замѣчаетъ Зина.—Погляди-ка, Анюта, сахару-то сколько! Какой это фунтъ,—тутъ не съ большимъ полфунта. А чаю-то,—чаю-то всего золотниковъ пять! Ну ужь, любезенъ Григорій Ермолаичъ! Нечего сказать.

— И то на силу отпустилъ, говоритъ Анисья;—спрашивалъ, есть ли у васъ что̀ изъ имущества-то....

— Ахъ онъ жидоморъ эдакой! Ну а ты что́?

— Я сказала, что есть, молъ, салопы, мантильи, шляпки.

— А онъ что́?

— Это, говоритъ, тряпки. Нѣтъ ли, говоритъ, чего попрочнѣе-то.

— Ну?

— Ну, я и сказала, есть, молъ, самоваръ, ложечки серебряныя, столы, стулья, — мало ли что̀. Ну и отпустилъ, да велѣлъ сказать, что всего́ тутъ на 58 к. сер.

— А еще ничего не спрашивалъ?

— Спрашивалъ, сколько у васъ братцевъ, — улыбаясь сказала Анисья.

— Ишь дуракъ какой! А ты что?

— Я говорю, два только братца. У обѣихъ—молъ—по братцу.

— А онъ что́?

— А онъ что́, — мало, говоритъ. Надо бы по два, либо по три эдакимъ барышнямъ!

Негодяй какой! сказали въ одинъ голосъ Анета и Зина. — А ты что́?

— Что́ я? Ничего, какъ отпустилъ чаю да сахару, я и ушла.

— Ну, Анюта, станемъ пить чай. Каковъ еще чай-то? Ай батюшки, — смотри-ка, Анюта, — да это просто палки. Я съ роду такого не пивала.

— Что дѣлать-то, Зина! Всяко наживешься....

И, съ горемъ по-поламъ, подруги принялись за чай....

—

Пришла и Акулина къ своимъ господамъ. Алексѣй Иванычъ ужь давнымъ-давно всталъ и что-то писалъ. Семенъ Дмитричъ не спалъ, но лежалъ и потягивался въ постели. Сегодня у нихъ нѣтъ присутствія. Подлѣ постели стоитъ столикъ, а на столикѣ кипитъ самоваръ. Алексѣй Иванычъ только-что сдѣлалъ чай. Онъ обыкновенно вставалъ рано, и проводилъ утро, какъ самъ выражался, »въ обществѣ музъ«. Семенъ Дмитричъ особенно любилъ спать по утру, такъ что и чай почти всегда пилъ лежа въ постели, а иногда даже напьется чаю, да и опять заснетъ.

Акулина только что пришла, первымъ долгомъ сочла явиться къ господамъ и разсказать имъ исторію записки, полученной въ это утро Григорьемъ Ермолаичемъ. При этомъ разсказѣ, почти всегда угрюмый, Алексѣй Иванычъ *осклабился мало*, а Семенъ Дмитричъ разхохотался.

Давши Семену Дмитричу насмѣяться досыта, Акулина сообщила потомъ своимъ господамъ, что Григорій Ермолаичъ не хочетъ больше отпущать имъ и что сего-дня отпустилъ въ останные....

При этомъ непріятномъ извѣстіи, ни тотъ ни другой изъ господъ не сказалъ ни слова, только всегда угрюмое лицо Алексѣя Иваныча нахмурилось еще болѣе обыкновеннаго, а сангвиническій Семенъ Дмитричъ быстро вскочилъ съ постели и набросилъ на плечи халатъ.

Акулина вышла. Оставшись вдвоемъ, пріятели молча усѣлись около самовара.

— Какъ же быть-то? говоритъ наконецъ Алексѣй Иванычъ, наливши чай.

— Такъ и быть! рѣзко отвѣчаетъ Семенъ Дмитричъ, придвигая къ себѣ свой стаканъ.

И послѣ этого многозначительнаго разговора между пріятелями воцаряется продолжительное молчаніе, котораго нельзя даже назвать и краснорѣчивымъ. За то бурно шипитъ и поетъ свою однообразную пѣсню неугомонный самоваръ.... Выпивши стаканчика по два и, должно быть, увлекшись шумнымъ говоромъ своего мѣднаго собесѣдника, и пріятели наши становятся поразговорчивѣе.

— Чтó если онъ, — скотъ, въ самомъ дѣлѣ не будетъ отпускать намъ? говорилъ Семенъ Дмитричъ.

— Да, скверно!

— Какое скверно! — просто никуда негодно. Сидѣть голодомъ — прошу покорно! очень завидное положеніе!

— Не въ томъ дѣло, хорошо или нѣтъ такое положеніе, а въ томъ, какъ бы выпутаться изъ него.

— Попроси у казначея впередъ за мѣсяцъ, — ты вѣдь никогда не бралъ? Можетъ быть и дастъ.

— Очень можетъ быть, что и далъ бы, — да дѣло въ томъ, что я просить-то не стану.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что не стану, да и все тутъ.

— Это не резонъ.

— Видно что резонъ.

— Стало быть, по неволѣ придется поститься. Мнѣ рѣшительно взять негдѣ. У меня знакомыхъ здѣсь, какъ знаешь, ни души. Не понимаю, что изъ деревни долго не присылаютъ. Постой, сегодня

чтб у насъ? Середа,— такъ и есть, — вчера стало-быть наша почта пришла. Подождемъ, не принесутъ ли мнѣ сегодня повѣстку. А если не принесутъ, ужь ты придумывай, что̀ хочешь. —

Черезъ четверть часа на Воробьевкѣ явился почтальонъ. Должно быть, онъ принесъ Семену Дмитричу давно ожидаемую имъ повѣстку, потому что, идя купаться мимо того домика, гдѣ жили чиновники, я очень ясно услышалъ довольно энерическую брань, которою Семенъ Дмитричъ угощалъ Григорья Ермолаича.

— Негодяй эдакой! говорилъ Семенъ Дмитричъ. — За сапожниковъ что ли какихъ-нибудь онъ принимаетъ насъ? Не стану отпущать! Завтра же, такъ и ткну ему деньга̀ми-то!....

VII. *Дачники и гуляющіе.*

Самая лучшая пора для гулянья на Воробьевыхъ Горахъ, какъ и вездѣ,—это послѣ обѣда до вечерняго чая и послѣ чая до поздней ночи,—разумѣется, въ хорошую погоду, и при томъ въ воскресенье или въ праздникъ какой-нибудь. Все, что̀ можно встрѣтить на Воробьевкѣ особенно интереснаго, бываетъ именно въ это время.

Около вечеренъ обыкновенно выходятъ на улицу туземцы обоего пола и всякаго возраста, и, либо сидятъ на завалинкахъ у своихъ домовъ, либо бродятъ по садамъ, и калякаютъ о томъ о семъ. Въ это время, и значительно *подгулявшіе* Воробьевцы начинаютъ одинъ за другимъ выбираться изъ своего »клуба« на свѣжій воздухъ, и, то нѣжно обнявшись и увѣряя одинъ другаго въ безъизмѣнной любви и дружбѣ, то ругаясь въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, пишутъ по улицѣ разнохарактерные *мыслете*. Рѣбятишки, либо играютъ въ бабки, либо копаются въ пескѣ, а иные затѣйники кувыркаются *колесомъ*, либо стоятъ по нѣскольку минутъ *березкой*, вверхъ ногами.

Около этого времени и дачники начинаютъ показываться на̀ свѣтъ Божій. Дачниковъ и дачницъ очень легко отличить отъ гуляющихъ,— отъ пришельцевъ изъ Москвы. Считая себя—нѣкоторымъ образомъ— на правахъ *хозяевъ*, они чувствуютъ себя здѣсь совершенно по домашнему. Одѣты они обыкновенно гораздо *скромнѣе и небрежнѣе* московскихъ пришельцевъ,—кавалеры ходятъ большею частью безъ палокъ, безъ перчатокъ,—иные даже безъ галстуковъ, а *еще* иные даже просто *въ халатахъ, прикрытыхъ шинелями* (какъ писалъ,— если припомнитъ читатель,—ко мнѣ въ деревню и Ѳедоръ Яковличъ). Дамы одѣваются обыкновенно тоже очень просто, по домашнему.... Ходятъ гулять дачники опять-таки не какъ гуляющіе, а скорѣе какъ зрители или лучше наблюдатели гуляющихъ здѣсь господъ. Идя по

улицѣ, они не любуются живописной прелестью Воробьевыхъ Горъ, не заглядываются на скромные воробьевскіе домики и на сады: это ужь все имъ пригляделось,—а съ жадностію осматриваютъ гуляющихъ, которые идутъ на Воробьевку, иные изъ-подъ горы, иные отъ Мамоновской дачи, и на экипажи, которые по временамъ промчатся по воробьевской улицѣ. Стоя на берегу, дачники любуются не Москвой-рѣкой, — свѣтлоструйной лентой обвивающей противоположный берегъ, по которому своевольно разстилаются длинные ряды грядъ, гдѣ такъ живописно рисуются Лужники и влѣво отъ нихъ небольшая купа развѣсистыхъ деревьевъ, — и не Москвой - столицей, — на все это они ужь наглядѣлись, — они съ улыбкой смотрятъ, съ какимъ трудомъ взбираются московскіе »господа« на гору, которая имъ—дачникамъ ни по чемъ, какъ цѣпляются они за траву, за кусты, какъ одѣты кавалеры и дамы, и къ какому *полету* отнести ихъ....

А какого *полету* сами-то воробьевскіе дачники и дачницы? Вопросъ этотъ, — хотя бы читатель и не слишкомъ интересовался его разрѣшеніемъ, — все-таки мнѣ кажется на столько важнымъ, что я прошу позволенія нѣсколько на немъ остановиться.

Одна дама, разъ при мнѣ, отозвалась весьма неуважительно, какъ о воробьевскихъ дачахъ, такъ и о дачникахъ обоего пола. Ѳедоръ Яковличъ, — если потрудится припомнить читатель, — взглянулъ на воробьевскихъ дачниковъ, — а въ томъ числѣ и на себя самого, — тоже съ комической стороны. Не смотря на уваженіе, которое отчасти питаю я къ вышереченной дамѣ, и, не смотря на дружбу мою къ Ѳедору Яковличу, — смѣю увѣрить читателя, что отзывы той и другаго о воробьевскихъ дачахъ и дачникахъ не совсѣмъ основательны.

Почти всѣ вообще домики на Воробьевкѣ далеко не такъ красивы и изящны, какъ напр. въ Сокольникахъ, а тѣмъ болѣе въ Паркѣ. Кто ищетъ на дачѣ комфорта городской жизни, тотъ, разумѣется, на Воробьевкѣ не найдетъ его. А кто ищетъ на дачѣ *дачи*, т. е. простаго, не затѣйливаго *сельскаго жилища, хижины*, тотъ нигдѣ не найдетъ лучшей дачи, чѣмъ на Воробьевкѣ.

Дачниковъ на Воробьевкѣ вообще бываетъ очень немного, потому что и сама-то Воробьевка очень не велика. Воробьевскіе дачники, по своему положенію въ обществѣ,—господа—не господа, а нельзя назвать ихъ и низкимъ слоемъ общества, — они что-то среднее, колеблющееся между тѣмъ и другимъ. Почти всѣмъ изъ нихъ адресы

пишутъ: *его или ея благородію....*, а то даже и *высокоблагородію*; стало быть, воробьевскіе дачники — народъ вообще если не слишкомъ крупный, то и не *мелкій*. Но это будетъ еще яснѣе, если читатель потрудится взять во вниманіе нижеслѣдующіе аргументы.

На Воробьевкѣ нанимаютъ дачи любители и любительницы, во-первыхъ,—красотъ природы и благорастворепнаго воздуха, какихъ въ другихъ мѣстахъ нигдѣ почти не найдете, — во-вторыхъ,—сельской простоты и тишины,—чего то же нѣтъ ни въ Сокольникахъ, ни въ Паркѣ, по устройству дачь скорѣе похожихъ на городъ, чѣмъ на деревню,—въ-третьихъ,—купанья, лучше котораго, на мой взглядъ, нѣтъ нигдѣ на всей Москвѣ-рѣкѣ, — въ-четвертыхъ (и это главное) любители дешевизны.... Скажите пожалуйста, есть ли хоть какая-нибудь тѣнь предосудительности во всѣхъ этихъ побужденіяхъ? Быть можетъ, слово *дешевизна* соблазнитъ читателя; пожалуй онъ подумаетъ, что нѣкоторые нанимаютъ на Воробьевкѣ по *скупости*, а скупость, какъ извѣстно, большой порокъ.... Въ такомъ случаѣ осмѣлюсь доложить, что тутъ скрывается вовсе другое побужденіе, именно, что скупиться-то не изъ чего, — что бѣдность одолѣваетъ.... Но бѣдность, опять таки всякій знаетъ, если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и хуже порока, то все-таки не порокъ. Наконецъ, осмѣлюсь доложить, что, познакомившись лично съ нѣкоторыми изъ моихъ дачныхъ сосѣдей, я нашелъ въ нихъ очень хорошихъ людей, такъ что къ ихъ характеристикѣ, представленной въ письмѣ Ѳедора Яковлича, считаю нужнымъ кой-что прибавить.

Прежде всего мамзель Элиза и ея маменька. Это благородное, хотя и бѣдное семейство, можно назвать цвѣтомъ и украшеніемъ воробьевскихъ дачниковъ. Софья Ивановна, вдова чиновница. Ея покойный мужъ извѣстенъ былъ при жизни большимъ безкорыстіемъ, и потому по смерти не оставилъ женѣ и троимъ дѣтямъ ничего, кромѣ честнаго имени и небольшой пенсіи. Живя сообразно съ своими средствами, Софья Ивановна жила, разумѣется, бѣдно. Какихъ хлопотъ, какихъ мучительныхъ безпокойствъ стоило ей воспитаніе дѣтей, — это легко поймутъ люди, испытавшіе подобное положеніе, хотя не дай Богъ никому испытывать его. Послѣ невѣроятныхъ усилій Софьѣ Ивановнѣ удалось помѣстить Лизаньку безплатно въ одно изъ »учебныхъ заведеній для благородныхъ дѣвицъ,« и вотъ Лизанька, кончивши курсъ, вынесла оттуда прекрасное знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ, и—очу-

тилась опять на маменькиной шеѣ. Мишу — сынка Софья Ивановна, послѣ бо́льшихъ еще хлопотъ, помѣстила въ гимназію то же безъ платы. И Мишенька гостилъ у ней вакацію на Воробьевкѣ, а въ началѣ августа отправился въ гимназію готовиться къ экзамену. Меньшая дочь Софьи Ивановны, Юлинька оставалась совершенно на ея рукахъ. Сколько ни просила, сколько ни кланялась Софья Ивановна, чтобы помѣстить куда-нибудь и Юлиньку, но ничего не могла сдѣлать. И теперь Лизанька учила свою сестру. Но вотъ, къ счастію и вмѣстѣ къ несчастью, Лизанькѣ выходитъ мѣсто въ гувернантки, — въ отъѣздъ. Софья Ивановна съ одной стороны рада, что Лизанька отойдетъ отъ ея рукъ и будетъ жить безбѣдно,—съ другой стороны и горевала, что по отъѣздѣ Лизаньки некому будетъ учить Юлиньку. Сама Софья Ивановна знала кой-что по Французски, да теперь ужь все забыла ...

Ознакомившись нѣсколько съ Софьей Ивановной, я нашелъ въ ней женщину очень не глупую, очень любезную и добрую. Разумѣется, ей очень хотѣлось поскорѣе пристроить свою Лизаньку, — желаніе очень естественное во всякой матери, и нѣтъ ничего тутъ предосудительнаго, что она дѣлала извѣстные намеки Ѳедору Яковличу....

Mademoiselle Elise, Лизавета Ѳедоровна тожъ,—пансіонерка въ полномъ смыслѣ слова. Она *ужасно* рада была, когда вышла на свободу, потому что ей открылась полная возможность мечтать и читать романы Сю и Дюма, и она съ жадностью читала ихъ, и была отъ нихъ въ совершенномъ восторгѣ. Выше романовъ не восходили ея понятія. О житейскихъ нуждахъ и различныхъ превратностяхъ судьбы она знала и думала столько же, сколько о китайской философіи. Беззаботная, наивная, всегда веселая, она свѣтло и радостно смотрѣла на Божій міръ, и свѣтелъ и *радостенъ* казался ей онъ, озаренный ея собственной чистотой и ясностію....

Сосѣдъ—актеръ при мнѣ пожилъ очень не долго. Въ дополненіе къ тому, что передалъ мнѣ объ немъ Ѳедоръ Яковличь, я узналъ, что г. N. человѣкъ очень не глупый, хотя актеръ не слишкомъ даровитый. Я слышалъ отъ него нѣсколько замѣчаній на счетъ выполненія гоголевскихъ ролей *нѣкоторыми* изъ нашихъ артистовъ, и признаюсь, эти замѣчанія мнѣ показались очень и очень дѣльными.

Двое учителей оказались, на мой взглядъ, тоже хорошими людьми. Одинъ изъ нихъ, живя на Воробьевкѣ, писалъ очень серьезную статью дл о ого изъ нашихъ періодическихъ изданій, и статью нашли очень

дѣльною. Другой, былъ, какъ я слышалъ, страшный филологъ, и занимался любимымъ предметомъ съ рѣдкимъ усердіемъ.... Каждый день, какова бы ни была погода, по нѣскольку разъ регулярно ходили они купаться, что для добрыхъ Воробьевцевъ казалось большой странностію. Но купанье для нихъ было леченьемъ, — одинъ имъ лечился отъ полнокровія, другой отъ худосочія.

Алексѣй Ивановичъ, старшій изъ сосѣдей—чиновниковъ, проводившій свободное отъ службы время »въ обществѣ музъ», писалъ очень длинное, и, какъ послѣ оказалось, очень скучное литературное произведеніе.... Семенъ Дмитричъ, младшій изъ чиновниковъ, не писавшій ничего, кромѣ своихъ дѣловыхъ бумагъ, на мой взглядъ, оказался премилымъ, прелюбезнымъ молодымъ человѣкомъ. По окончаніи курса въ учебномъ заведеніи, онъ всего мѣсяца три какъ поступилъ на службу, и радъ — радъ былъ, что освободился изъ подъ опеки маменьки и изъ-подъ школьной ферулы. Его мать жила въ имѣніи въ одной изъ степныхъ губерній, и Семену Дмитричу присылала по временамъ порядочныя деньги, которыхъ, разумѣется, рѣдко доставало на издержки молодаго человѣка. При всемъ томъ, онъ жилъ такъ скромно, какъ живутъ не многіе молодые люди, пользующіеся подобно сему полной свободой. Я познакомился съ Семеномъ Дмитричемъ въ самый интересный періодъ молодой жизни, когда юношескіе порывы и потребности начинаютъ обнаруживать свои права и вступаютъ въ борьбу съ чистыми понятіями дѣтства.... Семенъ Дмитричъ представлялъ собою тогда интереснѣйшій предметъ для наблюдателя-психолога. Въ иныя минуты являлся онъ совершеннымъ дитятей, — прыгалъ, пѣлъ, болталъ, что подвернется подъ языкъ, былъ откровененъ и симпатиченъ, какъ пансіонерка, — въ иной разъ безъ всякой причины дѣлался черезъ чуръ серьезнымъ и молчаливымъ, говорилъ, какъ Спартанецъ, — а иногда съ важностью разсуждалъ о совершенныхъ пустякахъ, — словомъ, очень мило и разнообразно противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу. Часто втроемъ, — съ Семеномъ Дмитричемъ и съ Ѳедоромъ Яковличемъ, бродили мы до утренней зари по Воробьевымъ Горамъ, — часто пили вмѣстѣ вечерній чай, и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ я и теперь вспоминаю о пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ нами въ тѣ блаженныя времена....

Вотъ и всѣ дачники, бывшіе въ мое время на Воробьевкѣ. Всѣ они, какъ видитъ читатель, болѣе или менѣе хорошіе люди....

Было ли хуже прежде или послѣ меня на Воробьевкѣ, — не знаю, но въ мое время между Воробьевскими дачниками, сколько мнѣ помнится, ихъ не было.... Двѣ подруги, Зина и Анета...., но — во первыхъ я съ ними не былъ знакомъ...., а во вторыхъ — что жъ такое?....

И такъ — продолжаю мой разсказъ.

Около вечеренъ обыкновенно начинаютъ гурьбами сбираться сюда гуляющіе обоего пола, и почти во всѣхъ воробьевскихъ садахъ и по берегу до солнечнаго заката постоянно кипятъ самовары. Въ это время безпрестанно слышишь шарманку, играющую въ одномъ мѣстѣ *польку*, въ другомъ *канарейку*, съ аккомпаниманомъ охрипшей примадонны, а гдѣ *и подъ вечеръ осенью ненастный*, тоже съ аккомпаниманомъ, а то и безъ онаго. Немножко попозже, когда солнце спустится къ закату, гуляющіе, значительно освѣжившіеся чаемъ *съ прибавленіемъ*, или шумно бесѣдуютъ подъ деревьями, или прохаживаются взадъ и впередъ по селу, — а иные просто лежатъ на мягкой зелени, — вообще всякій, по своему, кому какъ больше нравится, наслаждается не затѣйливыми, за то и не дорогими удовольствіями сельской жизни.

Воробьевскіе гуляющіе — народъ самый разнохарактерный, начиная отъ высшаго до самаго нижняго слоя общества. Высшій слой очень рѣдко навѣщаетъ самую Воробьевку, а большею частью довольствуется гуляньемъ по живописнымъ окрестностямъ гостинницы, пьетъ чай въ самой гостинницѣ, и, вооруженный зрительными орудіями всѣхъ родовъ, любуется оттуда красотами Москвы. На самой Воробьевкѣ гуляетъ преимущественно средній и низшій слой, и гуляетъ, что̀ называется, безъ оглядки же.

Всего же болѣе, кажется, здѣсь любятъ гулять — не знаю почему, — нѣмцы. Не только въ хорошую, но даже и въ дурную погоду, на Воробьевкѣ почти каждый день встрѣтишь нѣсколько нѣмецкихъ семействъ. И однажды Воробьевцы были зрителями самаго бѣдственнаго и вмѣстѣ комическаго возвращенія нѣмцевъ отселѣ въ Москву, въ проливной дождь.

Идти пѣшкомъ не было рѣшительно никакой возможности, и вотъ добыли нѣмцы у кого-то изъ Воробьевцевъ лошадь. Лошадь всего одна, а пассажировъ человѣкъ около 8. Какъ тутъ быть? Усадили сперва кой-какъ дѣтей, потомъ стали усаживаться дамы. За недостаткомъ мѣста, двѣ изъ нихъ, — должно быть болѣе другихъ

развязныя, — сѣли на козлы, а кавалеры пошли пѣшкомъ, и незатѣйливый экипажъ, биткомъ набитый живымъ грузомъ, тронулся.

Но, на бѣду, произошло какое-то поврежденіе въ упряжи, или возжа лопнула, или супонъ разстегнулся. *Нѣмецкая аккуратность* стала передъ *русскимъ авось* въ совершенный тупикъ. Нѣмцы бились, бились, но ничего не могли сдѣлать. А дождь между тѣмъ льетъ ливмя. Не смотря на убѣжденія кавалеровъ: setzen siesich! setzen siesich! дамы слѣзли съ телѣги, и начали мѣсить грязь, — ни дать ни взять, какъ и вашъ покорнѣйшій слуга въ свое первое путешествіе на Воробьевку. Пискъ, визгъ, восклицанія, мѣшались одно съ другимъ безъ всякаго порядка, до котораго нѣмцы такіе охотники. Наконецъ одинъ благодѣтельный Воробьевецъ сжалился надъ бѣдными странниками, запрягъ, какъ слѣдуетъ, лошадь, дамы опять усѣлись въ телѣгу, и потащились въ направленіи къ Мамоновской дачѣ.

Добрые Воробьевцы досыта смѣялись надъ »нѣмчурами«, и, пока совершенно скрылись они изъ виду, все смотрѣли на нихъ, до половины высунувшись изъ своихъ маленькихъ оконъ.

И гуляютъ здѣсь господа нѣмецкаго происхожденія со всей непринужденностію нѣмецкихъ буршей, *на распашку*, не только въ переносномъ, но даже и въ буквальномъ смыслѣ.

Разъ одинъ господинъ удивилъ своими выходками всю Воробьевку, и всѣ глядѣли на него, какъ на диво.

Пришелъ онъ гулять сюда одинъ — съ самаго утра, и цѣлый день съ трубкой во рту ходилъ взадъ и впередъ по воробьевской улицѣ. Это бы, разумѣется, еще ничего; да дѣло въ томъ, что часовъ до 10 утра онъ ходилъ, какъ слѣдуетъ, въ полномъ костюмѣ, послѣ десяти до 12, безъ сюртука и безъ фуражки, въ жилетѣ и въ галстукѣ, а послѣ 12, безъ сюртука, безъ фуражки, безъ жилета и безъ галстука.... какъ есть, на распашку!....

Чѣмъ же отличаются воробьевскія гулянья отъ другихъ московскихъ гуляній? На Воробьевкѣ, собственно говоря, никогда не бываетъ гуляній, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда есть гулянья. Здѣсь нѣтъ гуляній *публичныхъ*, какія бываютъ обыкновенно въ Сокольникахъ, въ Паркѣ, въ Марьиной рощѣ, въ Корсаковомъ саду,—здѣсь, какъ и въ Нескучномъ, гуляютъ обыкновенно или въ *одиночку* или *парами*, или отдѣльными маленькими кружками, совершенно незави-

симо одинъ отъ другаго. Прїѣзжаютъ и приходятъ сюда гуляющїе во все не за тѣмъ, чтобы людей посмотрѣть и себя показать, какъ на другихъ гуляньяхъ, а совершенно на-оборотъ, за тѣмъ, чтобы здѣсь удалиться отъ людей, уединиться и отдохнуть беззапретно, привольно и безъ всякой помѣхи, отъ городскаго шума на лонѣ сельской тишины.

Разумѣется, чѣмъ больше бываетъ здѣсь гуляющихъ, тѣмъ меньше бываетъ и этой тишины, которая манитъ къ себѣ гуляющихъ. Но за-то здѣсь никто никому не мѣшаетъ наслаждаться совершенно *особнякомъ* въ тѣни сада, или на берегу подъ навѣсистымъ кустомъ, или просто на открытой полянѣ. Здѣсь всякїй самъ себѣ господинъ, и никто никому не указъ.

Но вотъ ужь вечера не мало. Шумъ и говоръ на Воробьевкѣ постепенно ослабѣваетъ, — гуляющїе то небольшими группами, то попарно, то въ одиночку спускаются съ горы, и неутомимый воробьевскїй харонъ то и дѣло ѣздитъ отъ одного берега къ другому. — Сойдемъ съ горы и мы.

Вечеръ превосходный. На безоблачномъ небѣ ярко блестятъ миллїоны звѣздъ. Полный мѣсяцъ огромнымъ заревомъ поднимается изъ-за Данилова монастыря. Москва рѣка не шелохнется; звѣздное небо, какъ въ зеркалѣ, отражается въ ней, и только быстрое мерцанїе звѣздъ въ водѣ и даетъ знать, что Москва-рѣка не стоитъ, а течетъ и все течетъ къ своему завѣтному концу.

Вотъ и луна захотѣла въ Москвѣ-рѣкѣ полюбоваться собой; она уже значительно поднялась на горизонтѣ, ея косвенные лучи дружно ударили въ Москву-рѣку, и простерлись по ней длинной золотистой полосой.

Вечера много. Москва вся слилась въ одну неопредѣленную массу; по ней, какъ-будто, только скользятъ брызги свѣта, которымъ обливаетъ ее луна: тысячи огней мелькаютъ по ней въ различныхъ направленїяхъ, но мелькаютъ смутно, робко, какъ будто яркїй свѣтъ луны не даетъ имъ воли и простора.

Мы съ Ѳедоромъ Яковличемъ встали на берегу недалеко отъ воды, и вотъ ужь на Воробьевкѣ запѣлъ раннїй пѣтухъ,—вѣстникъ близкой полуночи. Перевощичья лодка рѣже и рѣже стала плавать отъ берега къ берегу, какъ вдругъ вдали послышались звуки шарманки съ кларнетомъ, и въ тоже время на рѣкѣ, въ направленїи отъ Крым-

скаго моста, показалась иллюминованная лодка. Тихо скользила и медленно подвигалась она вверхъ по рѣкѣ. Незатѣйливые звуки шарманки и кларнета, какъ будто, разстилавшіеся по водѣ и среди ночной тишины разносившіеся далеко, далеко, незнаю—почему, только мнѣ лучше казались въ эту минуту громкихъ звуковъ музыки, доносившейся по временамъ съ Ходынки, и заунывная »Лучинушка« показалась пріятнѣе всякихъ заморскихъ увертюръ, и трогательныхъ и нѣжныхъ, которыя, — безспорно, хороши, но почему-то никогда не просятся и не заглядываютъ мнѣ такъ въ душу, не нѣжатъ такъ слуха и сердца, какъ простая унылая пѣсня нашего простонародья....

Вотъ лодка, иллюминованная разноцвѣтными огнями, подплыла къ берегу, шарманка и кларнетъ замолкли; пассажиры, въ числѣ человѣкъ осьми обоего пола, подъѣхавши къ плоту, вышли на берегъ, развели тутъ огонь, вынули изъ лодки припасы, и пошелъ пиръ-горой. Въ четверть часа вскипѣлъ самоваръ, и разгорѣвшееся пламя ярко освѣтило лица пирующихъ. Ихъ было: четверо мужчинъ и четыре женщины.... Немножко поодаль сидѣли кларнетистъ и шарманщица съ атрибутами своей профессіи. Изъ кулька, лежавшаго близь пирующихъ, одна за другою вынимались то длинныя, но узкія, то короткія, но приземистыя бутылки.... Сначала бесѣда шла довольно чинно, — говорили *о прелести ночной тишины*, *о пріятностяхъ такихъ пикниковъ*, и проч. И что бы на этомъ остановиться! Такъ нѣтъ.—Бутылки продолжали опустошаться, и, когда общество значительно повеселѣло, шумъ и говоръ, сливавшійся съ игрою кларнета, шарманки и визгливымъ пѣніемъ шарманщицы, образовали самый безалаберный и дикій концертъ среди торжественной ночной тишины. Веселый пиръ превратился въ оргію.... Огни погасли. Кто ползкомъ, кто кувыркомъ, пассажиры кой-какъ добирались до лодки. Одинъ кричитъ — забылъ шляпу, другой — палку, третій свалился въ воду мимо лодки.... Женщины были посвѣжѣе, и, при ихъ помощи, бѣдные гуляки кой-какъ усѣлись опять въ лодку, и поплыли обратно къ Крымскому мосту.... Какъ они добрались, и даже добрались ли до дому, — это скрыла ночь, потемнѣвшая отъ нахлынувшихъ на небо густыхъ облаковъ.

VIII. *Саша.—Русская пляска и полька. — Хороводъ.—Чай у Саши въ саду. — Свадьба на Воробьевкѣ.*

Какая славная дѣвушка эта Саша! Какъ мило ея кругленькое личико! какіе плутовскіе у ней голубенькіе глазки! Сколько хитрости и вмѣстѣ простоты въ ея розовыхъ губкахъ! Какія у ней алыя, немножко загорѣвшія, пухленькія съ ямками щечки! Какъ хороша она въ своемъ простенькомъ ситцевомъ платьецѣ и въ бѣломъ платочкѣ, изъ подъ котораго выставляется длинная русая коса съ широкой алой лентой! Какъ.... Но, пожалуй, не будетъ конца восклицаніямъ, если припоминать все, какъ и сколько хороша была Саша....

Каждое воскресенье и каждый праздникъ сидѣла Саша съ своими подругами на завалинкѣ, подъ тѣнью стараго погреба, и была между ними тоже, что̀ розанъ между цвѣтками шиповника. Всѣхъ умильнѣе умѣла она взглянуть на молодыхъ людей, всѣхъ привѣтливѣе умѣла зазывать господъ въ свой садъ чай пить. Всѣхъ нѣжнѣе и серебристѣе былъ голосокъ у Саши, и, когда бывало запоетъ она въ своемъ саду, во время сбора ягодъ, а потомъ, въ половинѣ августа— плодовъ, то бросишь какое ни есть дѣло, выйдешь на улицу и слушаешь — не наслушаешься!....

Славная дѣвушка была Саша! А какъ хорошо она въ хороводахъ ходила! Какъ славно *по морю лебедью плавала!* Никто, кромѣ Саши, не умѣлъ такъ хорошо съиграть лебедя!

И какая была она рѣзвая, веселая смѣшливая! Прибѣжитъ бывало къ нашей хозяйкѣ,—а она часто прибѣгала къ ней то за тѣмъ, то за другимъ, а больше всего ни за чѣмъ, — заговоритъ съ ней о чемъ-нибудь, и всегда такъ громко, такъ добродушно разхохочется, что непремѣнно оторветъ и насъ съ Ѳедоромъ Яковличемъ отъ дѣла, и мы съ нимъ — бывало — невольно разсмѣемся, увлекшись ея звонкимъ, симпатическимъ хохотомъ.

Жила отъ насъ Саша домовъ черезъ пять какихъ-нибудь; былъ у ней отецъ и мачиха; доставалось иногда жутко бѣдняжкѣ отъ мачихи, — но природная веселость всегда брала въ ней верхъ надъ житейскими огорченіями;—только что побранитъ ее, а иногда и за косу потреплетъ ни за что ни про что мачиха, — глядь, а она ужь отерла слезки, да и бѣжитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, къ Варварѣ Матвѣевнѣ, и разхохочется до того, что не уймешь.

Почти каждый день, какъ я уже говорилъ, съ Өедоромъ Яковличемъ ходили мы вечеромъ гулять по Воробьевкѣ, и часто, бывало, идемъ мимо дома Саши, а она и выбѣжитъ изъ калитки, да и закричитъ намъ въ слѣдъ своимъ звонкимъ голоскомъ: »не угодно ли, господа, чай кушать? пожалуйте!« Мы оглянемся, и какъ она узнаетъ насъ, вскрикнетъ: »ахъ, не узнала!« да и разхохочется, и убѣжитъ опять домой. И такія продѣлки,—быть можетъ, не безъ умысла, — довольно часто повторяла съ нами шалунья Саша.

Августъ былъ уже во второй половинѣ. Скоро приходилось намъ разстаться съ Воробьевкой, и мы, какъ говорится, хотѣли нагуляться на ней до отвалу. И вотъ, въ какой-то праздничный день, пошли мы съ Өедоромъ Яковличемъ по Воробьевкѣ. До солнечнаго заката оставалось еще часа три.

Улица пустынна; кой-гдѣ виднѣются группы гуляющихъ Москвичей и туземцевъ, но ни прежняго одушевленія, ни прежней безоглядочной веселости не видно на ихъ лицахъ, — осень близится, близится и совершенное прекращеніе воробьевскихъ гуляній, сколько пріятныхъ для Москвичей, столько же пріятныхъ и выгодныхъ для Воробьевцевъ. Какъ тутъ не нахмуриться!

Дошли мы до старой гостинницы, тамъ почти никого. Побродили по рощѣ, начинавшей уже сбрасывать съ себя лѣтній уборъ,— здѣсь тоже никого,—и повернули опять къ Воробьевкѣ. При входѣ въ село, сверхъ всякаго ожиданія, увидѣли мы сцену, какой ни разу не встрѣчали здѣсь и во время лѣта. Близь пошатнувшейся харчевни толпился небольшой кружокъ. Подошли мы къ кружку, и върединѣ его увидѣли *русскую пляску* въ полномъ смыслѣ слова. Одинъ молодецъ игралъ на *гармоніи: По улицѣ мостовой....*, и игралъ такъ хорошо, какъ только можно играть на этомъ небогатомъ инструментѣ, а плясали: широкоплечій, коренастый мужикъ въ широкихъ плисовыхъ шараварахъ, съ длинной, окладистой бородой, и приземистая баба въ ситцевой шубкѣ и штофномъ шугаѣ,— плясуну было, по виду отъ 35 до 40 лѣтъ бабѣ—отъ 30 до 35. Много разъ видѣлъ я русскую пляску и на театрѣ и внѣ театра, но нигдѣ и никогда не видалъ такого отчетливаго, глубоко истиннаго, чисто русскаго выполненія этой пляски, какое встрѣтилъ здѣсь. Каждое тѣлодвиженіе пляшущихъ, пожатіе плечами, встряхиваніе головой, пантомимы и фигуры, выдѣлываемыя руками и по-

гами,—все это говорило, и говорило самымъ краснорѣчивымъ образомъ. По окончаніи пляски, плясуны были единодушно привѣтствованы похвалами зрителей, и одинъ изъ нихъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: »Вотъ ужь истинно всѣ кости болятъ, всѣ суставы говорятъ!«

Плясуновъ убѣдительно просили повторить, но они, вѣжливо раскланявшись съ маленькой публикой, отказались отъ пляски, и, взявшись подъ руку, пошли въ направленіи къ Мамоновской дачѣ.

Постоявши здѣсь, пошли мы съ Ѳедоромъ Яковличемъ далѣе вдоль по улицѣ, и вдругъ услышали звуки шарманки игравшей польку,—явленіе очень обыкновенное на Воробьевкѣ,— но тутъ не совсѣмъ обыкновенно было то, что звуки неслись съ прибережной равнины, лежащей далѣе за церковью, между дорогой, образующей здѣсь значительную впадину въ родѣ оврага, и крутогоромъ, склоняющимся къ Москвѣ-рѣкѣ. Равнина эта была когда-то садомъ, — и теперь видны здѣсь слѣды грядъ, и мѣстами растутъ кусты одичавшаго крыжовника.

До тѣхъ поръ мы никогда на этомъ мѣстѣ не слыхали звуковъ шарманки; это обстоятельство заставило насъ идти туда и— пошли мы не даромъ.

Здѣсь, на маленькой луговинѣ, толпился, такъ же какъ и у харчевни, небольшой кружокъ. Въ срединѣ этого кружка мы увидѣли тоже плясуновъ, только совершенно въ другомъ родѣ. Близь куста крыжовника сидѣла очень почтенная дама, одѣтая прилично, хотя весьма скромно, и съ глубокой нѣжностью смотрѣла на танцующихъ. Танцующіе—очевидно, дѣти этой дамы, оба прехорошенькія,—были: мальчикъ лѣтъ двѣнадцати и дѣвочка лѣтъ десяти. Танцовали они польку такъ мило и граціозно, мальчикъ такъ ловко постукивалъ каблучками, дѣвочка такъ кокетливо отступала отъ своего кавалера, и потомъ подходила къ нему, и, наконецъ, взявшись оба за руки, они составили такую миленькую группу, что зрители не могли удержаться отъ выраженія совершеннаго удовольствія, и танцоры, по окончаніи польки, были осыпаны самыми лестными похвалами.

Эти двѣ сцены, какъ будто нарочно были подготовлены, обѣ вдругъ, какъ сцены прощальныя съ лѣтомъ, которое такъ хорошо и весело живется на Воробьевкѣ!

Не скажу, чтобъ я былъ знатокъ въ танцахъ, и, — быть можетъ именно въ слѣдствіе этого невѣжества, — изъ всѣхъ танцевъ я не нахожу ничего лучше русской пляски и польки. Въ одной русской пляскѣ я вижу внутренній смыслъ, и этотъ смыслъ выражается въ ней такъ полно, выступаетъ такъ выпукло, что и безъ словъ, и безъ музыки, одна эта пляска выразила бы вполнѣ все содержаніе извѣстной народной пѣсни, — и, смотря на эту пляску въ первый даже разъ, каждый, мнѣ кажется, пойметъ, что̀ плясуны хотятъ сказать ею.

— Теперь, сказалъ Ѳедоръ Яковличъ, — для полноты наслажденія, пойдемъ къ хороводу.

Хороводъ на Воробьевкѣ обыкновенно составляется на томъ концѣ села, который въ географическомъ отношеніи можно назвать юго-западнымъ. Кромѣ тинистаго пруда со стаями домашнихъ гусей и утокъ, здѣсь нѣтъ ничего замѣчательнаго. Домики обывателей въ этой части села всѣ такъ похожи одинъ на другой, что я не понимаю, какъ они не ошибаются,—не забродятъ въ сосѣдскій домъ, вмѣсто своего, — а впрочемъ, можетъ быть, это и случается, особенно когда почтенные Воробьевцы позасидятся въ своемъ пресловутомъ »клубѣ.«

Около пруда воробьевская улица поворачиваетъ вправо, къ Москвѣ рѣкѣ, и образуетъ здѣсь такимъ образомъ уголъ. Въ вершинѣ этого угла обыкновенно и составляется хороводъ. На этотъ разъ хороводъ еще только собирался, и, чѣмъ дожидаться, пошли мы съ Ѳедоромъ Яковличемъ далѣе по берегу Москвы-рѣки. Берегъ здѣсь отличается необычайной крутизной, и сверху до низу сплошь покрытъ мелкимъ кустарникомъ. Уступовъ, какіе встрѣчаешь при всходѣ на гору отъ перевоза, здѣсь вовсе нѣтъ. За то внизу, подъ горою, вдоль прибережной луговины, тоже покрытой кустарникомъ, тянется длинный голый хребетъ, въ родѣ искуственнаго вала, вершина котораго̀ такъ узка, что двоимъ въ рядъ съ трудомъ можно пройти по ней. На срединѣ этого хребта, одиноко и беззащитно стоитъ высокое старое дерево, сверху до низу оборванное временемъ и вѣтромъ.... Каждый разъ, какъ проходилъ я здѣсь, съ грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ на это дерево, и каждый разъ наводило оно меня на думы о судьбѣ стараго холостяка....

Дошедши до конца Воробьевыхъ Горъ, мы вернулись назадъ. Солнце сбиралось уже садиться. Подходя къ селу, мы услышали звонкіе голоса воробьевскихъ красавицъ, дружно пѣвшихъ свои

игровыя пѣсни, и, на вечерней зарѣ, эти пѣсни оглашали село отъ одного конца до другаго.

Подошли мы съ Ѳедоромъ Яковличемъ къ хороводу. Кромѣ дѣйствующихъ и поющихъ лицъ, кругомъ хоровода и среди самаго хоровода, стоятъ, сидятъ и бѣгаютъ многія еще разнохарактерныя лица, которыхъ, — строго говоря, — никакъ нельзя назвать ни зрителями, ни слушателями, ни дѣйствующими лицами въ хороводѣ: они дѣлаютъ *свое дѣло*, и до хоровода имъ нѣтъ дѣла, хотя, для художника, эти лица были бы не только не излишни, но даже существенно необходимы для полноты и оконченности картины. Для этихъ лицъ хороводъ служитъ сценою, мѣстомъ дѣйствія, и ничѣмъ болѣе.

Вонъ группа ребятишекъ играетъ въ зайчики: зайчикъ, чтобъ вѣрнѣе не быть пойманнымъ, скользитъ между дѣвушками, шмыгаетъ имъ подъ руки, безпрестанно оглядываясь назадъ, чтобъ не упустить изъ виду движеній своего преслѣдователя. Собачка, въ свою очередь, то же ныряетъ въ хороводѣ; наконецъ шалуны надоѣдаютъ, и дѣвушки, безъ церемоніи, надѣляютъ ихъ тузами и подзатыльниками. Ребятамъ это, разумѣется, ни по чемъ, — они и сами платятъ своимъ обидчицамъ тѣмъ же....

Вонъ еще, вправо отъ хоровода, на лужку, другая группа мальчишекъ сидитъ кружкомъ на землѣ, а одинъ мальчикъ ходитъ около кружка и кладетъ позади одного жгутъ. Несчастный, во все не подозрѣвая грозящей ему опасности, сидитъ преспокойно, какъ вдругъ раздается по его спинѣ рѣзкій ударъ жгута. Всѣ смѣются, а ему не до смѣха. Онъ проворно вскакиваетъ и бѣжитъ отъ своего гонителя, но тотъ преслѣдуетъ его, и на бѣгу успѣваетъ влѣпить ему еще ударовъ пять, *горячихъ*, какъ обыкновенно выражаются игроки въ жгутъ.

А вонъ влѣво отъ хоровода еще маленькій хороводъ, или вѣрнѣе, — блѣдное подражанье настоящему хороводу. Это сбродъ маленькихъ дѣвочекъ, которыя, схватившись другъ съ другомъ за руки, такъ же какъ и большія дѣвицы, что-то поютъ, но что̀ именно, вѣроятно, и сами не знаютъ, — а такъ только пищатъ, визжатъ, кто во что гораздъ.

Но вотъ, и мальчики и дѣвочки, наскучивъ и жгутомъ, и игрою въ зайчики, всѣ соединяются въ одну гурьбу, шумно вторгаются въ средину хоровода, падаютъ другъ на дружку и кричатъ благимъ

матомъ: мала-груда! мала-груда! Дѣвушки, выведенныя изъ терпѣнья, употребляютъ крайнія мѣры для прекращенія безпорядковъ, и—порядокъ возстановляется. Шалуновъ выталкиваютъ изъ хоровода, и игры продолжаются.

Запѣли извѣстную пѣсню:

Какъ по морю, какъ по синему,
Плыла лебедь, плыла бѣлая,

и Саша пошла *лебедью*. Это очень давняя и всѣмъ извѣстная пѣсня, но напѣвъ, который я слышалъ на Воробьевкѣ, былъ для меня совершенно новъ, и показался гораздо лучше общеизвѣстнаго напѣва.

За *лебедью* слѣдовало много другихъ игровыхъ пѣсенъ, изъ которыхъ мнѣ особенно понравились слѣдующія двѣ:

Изъ-за лѣсика, лѣса темнаго,
Изъ-за садика, изъ зеленаго,
Ужь какъ шли-прошли два молодчика,
Оба холосты, не женатые,
Парни бравые, щеглеватые.
Они шли-прошли, становилися,
Становилися, поклонилися,
И рука съ рукой спохватилися;
Врозь пошли они, разбранилися
За одну душу-красну дѣвицу.
Красна дѣвица выходила къ нимъ,
Выходила къ нимъ, говорила имъ:
Вы не ссорьтеся, не бранитеся,
Добры молодцы, не женатые,
Парни бравые, щеглеватые.
Вы по совѣсти разойдитеся:
Одному изъ васъ я достануся,
Либо черному, чернобровому,
Либо бѣлому, бѣлокурому.
Доставалася красна-дѣвица
Парню черному, чернобровому.

—

Вдоль по рѣчкѣ, рѣчкѣ
По рѣчкѣ быстрой.
Плыветъ, восплываетъ
Зеленой садокъ.
Въ садикѣ гуляетъ
Добрый молодецъ.
Чешетъ свои кудри,
Чешетъ свои русы
Частымъ гребешкомъ.
Очески бросаетъ,
Онъ вдоль по рѣкѣ,
Все вдоль по быстрой.
Плывите очески,
Вдоль вы по рѣкѣ,
Вдоль вы по быстрой.
Чтобы васъ, очески, соколъ не поймалъ,
Гнѣзда бы не вилъ,
Дѣтей не сводилъ.
Межъ насъ съ тобой, братецъ,
Промежъ насъ, родимый,
Двѣ лютыхъ змѣи,
То жоны наши.
Ссорются бранятся,
Урекаются.
А мы съ тобой, братецъ,
Мы съ тобой, родимый,
Въ любви по живемъ,
Въ любви по живемъ,
Во согласьицѣ.
Братецъ къ свому братцу
Въ гости приходилъ,
Коня попросилъ.
Родимой мой братецъ,
Пожалуй коня,
Съѣздить вдоль села,
Съѣздить вдоль села,
Посмотрѣть торга.
Бери ты, мой братецъ, бери, мой родимой,
Бери не спросясь.
У насъ съ тобой, братецъ, у насъ мой родимый,
И ленъ не дѣленъ.

Долго слушали мы пѣсни, долго смотрѣли на игры дѣвушекъ и молодцовъ. Молодцовъ здѣсь, не знаю почему, — только очень мало, такъ что въ играхъ ихъ роли принуждены бываютъ иногда разъигрывать дѣвушки.

Заслушавшись и залюбовавшись на хороводъ, мы и не замѣтили, что изъ-за Драгомиловскаго кладбища быстро неслась туча и прямо на Воробьевку. Вдругъ, совершенно неожиданно, разразился сильный дождь и разогналъ весь хороводъ.

Чтобъ не быть промоченными до костей, идемъ скорымъ шагомъ домой и мы, а впередъ насъ бѣжитъ Саша. Одѣта она очень легко, и дождь,—думалъ я,—не оставитъ на ней сухой нитки. Только,— глядь, откуда ни возьмись ловкій малый, — мигомъ опередилъ насъ, присосѣдился къ Сашѣ и прикрылъ ее полой своего, просто — армяка....

— Гляди-ка, гляди-ка, вѣдь это Саша,—сказалъ Ѳедоръ Яковличъ.

— Она, вѣроятно, убѣжитъ отъ него, — прибавилъ я.

Но не тутъ-то было.... Саша нисколько и не думала бѣжать. Молодецъ, для большаго удобства, обнялъ ее, и парочка преспокойно идетъ подъ импровизированнымъ зонтикомъ. Этого мало, Вдругъ — смотримъ мы — услужливый молодецъ поворачивается лицомъ къ лицу Саши, и, намъ показалось, -поцѣловалъ ее.... Мы шли съ Ѳедоромъ Яковличемъ вслѣдъ за ними, по пятамъ, и, при видѣ такой рыцарской любезности, я не могъ удержаться, чтобъ не сказать довольно громко: славно! — Саша обернулась, и, увидѣвши насъ, вскрикнула,—вырвалась изъ-подъ сермяжнаго зонтика, и опрометью побѣжала домой. Смѣшавшійся парень то же бѣгомъ пустился къ своему дому.

— Ну, за чѣмъ ты помѣшалъ имъ? сказалъ Ѳедоръ Яковличъ, — когда мы пришли домой.—Какое тебѣ дѣло до нихъ?

— Я и самъ жалѣю объ этомъ, отвѣчалъ я,—такъ ужь съ языка сорвалось. Ну да бѣда не велика,—завтра же, вѣроятно, они опять увидятся....

—

Дня черезъ два послѣ того, идемъ мы съ Ѳедоромъ Яковличемъ по улицѣ, и, только что миновали домъ Саши, какъ она и на этотъ разъ сдѣлала съ нами то же, что̀ дѣлала такъ часто, — выбѣжала изъ калитки и закричала намъ вслѣдъ свое всегдашнее: »не угодно ли, господа, чай кушать?« Мы обернулись, Саша захохотала и—убѣжала. Но мы рѣшились на этотъ разъ воспользоваться приглашеніемъ, и

вернулись домой. Взяли чаю и сахару и пошли къ Сашѣ, прямо въ садъ, а Саша—какъ быть намъ на встрѣчу. Увидя насъ, она какъ-будто оторопѣла.... Мы сказали, что по ея приглашенію пришли пить чай. Долго Саша не вѣрила, что мы серьезно пришли за этимъ, и думала, что мы шутимъ. Кой-какъ однакожь мы убѣдили ее, что вовсе не думали шутить, и она провела насъ въ садъ, принесла намъ столикъ со скатертью, чайникъ, стаканы и сливки, а потомъ, минутъ чрезъ десять, и самоваръ.

— Ну вѣдь и ты съ нами станешь пить? сказалъ я Сашѣ, когда готовъ былъ чай;—чтó же не принесла себѣ чашку?

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю. Съ какой стати мнѣ съ господами чай пить....

— А со своей братьей — ничего?

— То своя братья.

— Своему брату можно позволить себя и зонтикомъ прикрыть въ случаѣ дождя?...

— Какимъ это зонтикомъ?—самымъ простодушнымъ тономъ спросила Саша, и взглянула на меня такъ ясно и спокойно своими свѣтлыми, голубыми глазками.... Потомъ, должно быть, понявши, чтò я хотѣлъ сказать, вспыхнула, но тотчасъ же, — чтобы скрыть это, — звонко засмѣялась, и закрыла руками лице.

— Своему брату, прибавилъ Ѳедоръ Яковличъ, — можно позволить — эдакъ немножко — и поцѣловать себя, втихомолку, если думаешь, что никто не увидитъ?

Саша зарумянилась пуще прежняго, и съ принужденно-серьезнымъ видомъ сказала:

— Я не понимаю, чтò вы такое говорите....

— Будто? Вишь какая не догадливая!... А мнѣ показалось, что....

— Чтó же вамъ показалось?

— Что если не ты, такъ очень похожая на тебя дѣвушка, въ прошлое воскресенье, бѣжала во время дождя домой изъ хоровода, а какой-то услужливый молодецъ догналъ ее и прикрылъ отъ дождя.... армякомъ!...

— Неужто? Ахъ онъ негодный! А вы и подумали на меня?....

— Мало того, что прикрылъ отъ дождя, поцѣловалъ, кажется— злодѣй! — прибавилъ Ѳедоръ Яковличъ.

— Ай не правда! Вотъ такъ ужь не правда! Совсѣмъ не поцѣловалъ, а такъ только наклонился, — краснѣя сказала Саша.

— А ты почемъ знаешь? Вѣдь это не ты? Чтó, попалась?....

—Ничего не попалась,—еще болѣе зарумянившись отвѣчала Саша,—я говорю только, что не можетъ быть, чтобы дѣвушка.... на улицѣ.... Я-бы этого ни за что не сдѣлала.... Развѣ...., вотъ что: должно быть это одна подруга моя.... она дворовъ черезъ пять всего живетъ отсюдова. Она ужь такая ... ей все ни по чемъ....

— Ну, да хоть бы и ты, такъ не велика бѣда! Вѣдь мы не скажемъ мачихѣ-то, не бойся.

— Чего мнѣ бояться? Я въ прошлое воскресенье и въ хороводѣ-то не была.

— Въ самомъ дѣлѣ? А намъ показалось, что ты играла *лебедя*....

— Нѣтъ-съ, это видно играла та же подруга.

— Что̀ подъ зонтикомъ-то?.... А славно она играетъ, хоть бы и тебѣ такъ сыграть, такъ въ пору.

— Я совсѣмъ не умѣю играть.

— Стало быть подруга эта очень похожа на тебя, если мы обознались?

— Какъ двѣ капли воды, — плутовски смѣясь отвѣчала Саша.

— Ну, а которая изъ васъ пѣсни-то такъ хорошо поетъ?

— Все она же; я и пѣть не умѣю.

— А намъ казалось, что пѣсни поются именно вотъ здѣсь, въ этомъ саду.

—Да, она и здѣсь поетъ. Страстная охотница,—все бы пѣла. Мы съ ней дружны, такъ она часто ходитъ ко мнѣ, — придетъ да и запоетъ.

— О, какая ты плутовочка, Саша!—сказалъ Ѳедоръ Яковличъ.— А что̀ же, прибавилъ онъ,—скоро ли будетъ ваша-то свадьба, т. е. свадьба подруги твоей съ этимъ молодцомъ, какъ бишь его зовутъ?

— Ив.... Я не знаю.

— Ну, опять сбилась! Такъ что же, скоро ли женится Иванъ-то?

— По чемъ я знаю! Долго еще.

— Это досадно! А намъ бы хотѣлось посмотрѣть, какъ на Воробьевкѣ свадьбы справляютъ. Да видно не придется; мы не больше недѣли проживемъ здѣсь, да и въ Москву.

— Да вотъ въ воскресенье будетъ здѣсь свадьба. Ну и посмотрите.

— Въ самомъ дѣлѣ? И женихъ здѣшній?

— Здѣшніе и женихъ и невѣста.

— И ты придешь смотрѣть?

— Не знаю, можетъ и приду.

— Ну, и мы придемъ.

— Да что̀ ты все стоишь, Саша?—сказалъ Өедоръ Яковличъ:— не хочешь чай пить, такъ хоть посидѣла бы съ нами. Вѣдь ужь больше не выростешь, хоть все стой.

— Нужды нѣтъ. Я и постою. Да вотъ вѣдь и стоять-то некогда.... Заговорилась съ вами и забыла было.... Матушка велѣла яблоки въ чуланъ уложить.

И, какъ испуганный заяцъ, Саша побѣжала къ дому.

— Скорѣе же приходи! кричали мы въ слѣдъ ей.—Мы сей-часъ чай кончимъ.

— Сію минуту.

Только что кончили мы чай, Саша явилась опять. *Поблагодарили* мы ее, какъ слѣдуетъ, за угощеніе. и пошли домой. Саша осталась собирать самоваръ и чайную посуду, и, только что-вышли мы изъ ея сада, какъ чей-то звонкій голосокъ запѣлъ тамъ: *Отлетаетъ мой соколикъ изъ очей моихъ изъ глазъ....*

Наступило воскресенье,—день свадьбы на Воробьевкѣ. Скромный воробьевскій колоколъ гудѣлъ свой обычный благовѣстъ, и его однообразный напѣвъ, нисколько не соперничествуя съ торжественнымъ звономъ московскихъ колоколъ, мѣрно и свободно разносился по воробьевскимъ окрестностямъ.

Простоявши обѣдню, мы только-что хотѣли идти домой, какъ намъ сказали, что сей-часъ будетъ свадьба. Въ церкви и около церковной паперти толпились по крайней мѣрѣ двѣ трети воробьевскаго народонаселенія. Скоро пришелъ въ церковь со своей свитой женихъ, потомъ невѣста, и тотчасъ же началось вѣнчанье.

Послѣ вѣнчанья молодыхъ въ вѣнцахъ повели къ женихову дому..

Послѣ вечерняго чая, пошли мы съ Өедоромъ Яковличемъ смотрѣть на *княжой столъ*. Солнце давно ужь сѣло, и на Воробьевкѣ темно вездѣ, — и на улицѣ, и въ садахъ, и внутри домовъ; только въ домѣ жениха горитъ нѣсколько сальныхъ свѣчей, тускло освѣщающихъ небольшую лужайку противъ дома и на этой лужайкѣ густую толпу зрателей, всякаго пола и возраста, другъ изъ-за друга глазѣвшихъ на окна. Кой-какъ удалось намъ не только пройти сквозь эту толпу, то даже проткнуть въ самый домъ, биткомъ набитый гостями и зрителями. Еще бо̀льшихъ трудностей стоило намъ пробраться впередъ, чтобы лучше видѣть *здѣшніе свадебные обряды и церемоніи.* Впрочемъ — воробьевская свадьба ничѣмъ не отличается

отъ всякой другой *крестьянской* свадьбы. Быть можетъ, есть здѣсь какая-нибудь особенность *на сговорахъ, на дѣвичникѣ*, но *княжой столъ* тянулся здѣсь точно такъ же, какъ и вездѣ.

Кушаньевъ несчетное число, и, почти передъ каждымъ, хозяева подчуютъ гостей виномъ. Гости обоего пола разсажены за столомъ, какъ слѣдуетъ, по чинамъ и по степенямъ родства. Дружка, какъ водится, отпускаетъ плоскія остроты, и гости, слыхавшіе эти шутки уже разъ до двадцати на своемъ вѣку, добродушно хохочутъ, а гостьи, иныя — похрабрѣе — тоже смѣются на ряду съ мужчинами, а другія—поскромнѣе—съ разными ужимками, выражающими стыдливость и застѣнчивость, отворачиваются въ сторону, или потупляютъ *очи*, особенно когда дружка ужь черезъ-чуръ заврется.... Молодые чинно сидятъ, не глядя ни на кого, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, и, какъ водится, ничего ни пьютъ, ни ѣдятъ, а когда кому-нибудь вздумается сказать, что вино *горько*, они встаютъ и извѣстнымъ образомъ подслащаютъ его.... И сколько разъ приходится имъ, бѣдняжкамъ, повторять эти операціи!

Не дождавшись окончанія стола, мы вышли вонъ, тѣмъ болѣе, что въ домѣ была духота невыносимая....

На улицѣ, сверхъ всякаго ожиданія, увидѣли мы сцену, которая немножко вознаградила насъ за обманутыя ожиданія касательно *княжаго стола*. Подъ самыми окнами женихова дома происходила пляска, — опять-таки пляска, — выполняемая лицами, относившимися къ свадебному пиру и пирующимъ не болѣе, какъ въ качествѣ зрителей. Это были двѣ женщины, — одна пожилыхъ лѣтъ, а другая очень молоденькая, и, судя по нѣкоторымъ фразамъ, сказаннымъ ею, должно быть хохлушка. Одѣты обѣ плясуньи были чрезвычайно бѣдно, чуть-чуть не въ рубищахъ...., и что̀ плясали онѣ, опредѣлить такъ же трудно, какъ и то, что̀ игралъ на балалайкѣ рослый парень, — кажется, единственный музыкантъ на всей Воробьевкѣ. Кто были и откуда пришли бѣдныя плясуньи, зрители не знали, да, — кажется, — и не любопытствовали знать. Долго плясали онѣ подъ бренчанье воробьевскаго менестреля, то обѣ вмѣстѣ, то попремѣнно, и наконецъ старшая изъ нихъ, должно быть,—выбившись изъ силъ, сказала младшей:

— Пойдемъ, Поля, домой. Видно ничего не будетъ.

— Погодите, что-нибудь да будетъ,—замѣтилъ молодой парень, сидѣвшій у дому на завалинкѣ: — вѣдь не каплетъ, куда торопиться-то. Шампанскаго вынесутъ.

— Да, того самаго, что̀ которымъ ворота-то запираютъ,—примолвилъ другой.

— Ну ужь ты соврешь!—сказалъ первый молодецъ. — Попляши, Поля, ты славно пляшешь, нужды нѣтъ хошь и одна,—прибавилъ онъ, обращаясь къ молоденькой плясуньѣ.

— Поля, Поля, попляши, у тя ножки хороши.

— Только маненько грязны, — ну да этого въ темнотѣ-то не видать, — прибавилъ кто-то.

И простодушная хохлушка продолжала опять свою пляску.... Ничего особеннаго не было въ этой пляскѣ, кромѣ быстроты и легкости, съ которою вертѣлась плясунья, а между тѣмъ кружокъ зрителей жадно слѣдилъ за всѣми ея тѣлодвиженiями. Внимательно смотрѣлъ и я, но не на пляску, а на саму плясунью, которую по временамъ ярко освѣщалъ свѣтъ, выходившiй изъ оконъ женихова дома, и ея худое, блѣдное лице, невольно навело меня на думы: »не нужда ли это пляшетъ, чтобъ выплясать какой-нибудь кусокъ пирога?....«

Не знаю, дождались ли чего-нибудь бѣдныя плясуньи, потому что, не дождавшись конца пляски, мы ушли домой.

IX. *Разъѣздъ дачниковъ и наше переселенiе въ Москву.—Прогулка нынѣшнимъ лѣтомъ на Воробьевы Горы.*

Съ наступленiемъ послѣднихъ чиселъ Августа, на Воробьевкѣ не стало ни ягодъ, ни плодовъ, ни хорошей погоды, ни гуляющихъ; не слышно стало ни звуковъ разбитой шарманки, ни вѣчно-пьянаго кларнета. Дачники, одинъ за другимъ, тоже почти всѣ перебрались въ Москву. Пора въ Москву и намъ!

И вотъ, въ одно ненастное утро, стали мы съ Ѳедоромъ Яковличемъ держать совѣтъ касательно нашего переселенiя.

— Мы почти одни здѣсь остались, — сказалъ Ѳедоръ Яковличъ.

— Ужь и одни! Неужели и Софья Ивановна переѣхала?

— Вотъ хватился! Давнымъ-давно.

— И мамзель Элиза стало-быть упорхнула?

— Она еще въ половинѣ Августа уѣхала въ деревню.

— Вотъ тебѣ разъ! А ты мнѣ и не сказалъ до сихъ поръ. Не стыдно?

— Я думалъ, ты знаешь.

— Какже, знаю! Я воображалъ, что она гоститъ, какъ обыкновенно, въ Москвѣ.... То-то давно не видать ея. Ну что̀ же, прощался ты съ ней?

— Прощался.

— Когда же это? Вѣрно безъ меня?

— Да, ты въ Москвѣ былъ.

— Ну разскажи же, какъ ты прощался съ ней, — ужь не во мракѣ ли ночи?....

— Просто при свѣтѣ бѣлаго дня. — Прощайте, говорю, Лизавета Өедоровна! — Прощайте, говоритъ и она. — Счастливый путь, я говорю. — Благодарю васъ, говоритъ. — Такъ и простились.

Чтобъ не вводить читателя въ заблужденіе, правдолюбивый авторъ считаетъ однакожь нужнымъ сказать, что Өедоръ Яковличъ въ эту минуту былъ не совсѣмъ искрененъ. Спустя много времени послѣ, самъ же онъ признался, что во все не такъ холодно простился съ мамзель Элизой, — что прощанье ихъ происходило *при лунѣ и звѣздахъ*, что тутъ были и *клятвы въ вѣчной вѣрности*, и проч. и проч.

— »Все глупости, грѣхи неопытной юности!« — замѣтилъ послѣ своего искренняго признанія Өедоръ Яковличъ.

На другой же день послѣ нашего совѣта о переселеніи, отправились мы въ Москву и отыскали приличную квартиру въ одномъ изъ переулковъ, которыхъ такъ много между Арбатомъ и Пречистенкой. Потомъ, вернувшись на Воробьевску, распростились съ хозяевами, отправили съ извощикомъ свое маленькое имѣніе, а сами пошли пѣшкомъ тѣмъ же путемъ, которымъ такъ часто бывало ходили въ Москву.

И часто, во время этого послѣдняго путешествія, — не то чтобы съ грустнымъ, а съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ — оглядывался я на Воробьевку.... Не оставлялъ я на ней никакого предмета сердечной привязанности, а жаль какъ-то было мнѣ разстаться съ ней.... Мы такъ хорошо, такъ счастливо жили тамъ!....

—

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ жилъ я на Воробьевкѣ, *на дачѣ*; много перемѣнъ произошло въ моей жизни, въ жизни Өедора Яковлича и другихъ лицъ, которыя промелькнули въ моемъ разсказѣ передъ читателемъ. Степанъ Дмитричъ, — я слышалъ, — получилъ послѣ дяди наслѣдство въ Таганкѣ; теперь онъ богачъ не послѣдней руки, и еще болѣе прежняго выросъ въ собственномъ мнѣніи, такъ что, говорятъ, теперь до него рукой не достанешь. Прошла или нѣтъ *меланхолія* Варвары Матвѣевны, — не знаю. Мамзель Элиза, Лизавета Өедоровна тожъ, имѣла, сказываютъ, по-

ползновеніе выдти за мужъ за какого-то военнаго, но вышла ли,— опять-таки не знаю. Саша превратилась въ дородную хозяйку, и стала матерью едва ли не полудюжины дѣтей. Алексѣй Иванычъ, проводившій свою жизнь на Воробьевкѣ »въ обществѣ музъ,« давнымъ давно напечаталъ свое произведеніе, и оно увы! — уже кануло въ Лету. Семена Дмитрича, вскорѣ послѣ переѣзда въ Москву, я совершенно потерялъ изъ виду. Слышалъ только, что онъ перешелъ на службу въ Петербургъ.... Съ Ѳедоромъ Яковличемъ и со мной то же много, много было перемѣнъ....

И вотъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, послѣ долгихъ совѣщаній, собрались мы съ Ѳедоромъ Яковличемъ (съ которымъ и теперь хорошіе пріятели) посѣтить Воробьевку, — свое старое гнѣздо....

Какъ будто именно въ противоположность тѣмъ перемѣнамъ, какія произошли съ нами и съ нашими воробьевскими знакомцами,— Воробьевка и теперь, какъ тогда, все та же,—ничего не измѣнилась. Если не тотъ же, такъ такой же, какъ и тогда, флегматическій харонъ перевезъ насъ на воробьевскій берегъ. По переѣздѣ черезъ рѣку, передъ вами возвышаются тѣ же горы, — крутыя и живописныя горы. На вершинѣ горы насъ встрѣтилъ тотъ же избоченившійся, старенькій погребъ, и такія же, какъ прежде, румяныя, словно здѣшнія вишни, дѣвушки на-перебой приглашали насъ въ свои сады чай пить. Изъ кривобокой харчевни, какъ и прежде, несутся дребезжащіе звуки шарманки, и около распивочной бродятъ записные воробьевскіе кутилы, если не тѣ же, такъ очень похожіе на нашихъ знакомцевъ.... Воробьевскіе сады такъ же ароматны, прохладны и цвѣтущи, какими были и въ былое время; московскіе гости гуляютъ здѣсь такъ же весело и непринужденно, какъ гуляли и въ былое время; Москва рѣка, какъ и прежде, широкой лентой обвиваетъ противоположный, низменный берегъ съ купою кудрявыхъ деревьевъ, съ Лужниками и длинными рядами грядъ.... Словомъ, все то же....

— Не правда ли, Ѳедоръ Яковличъ,—вѣдь все то же? — сказалъ я, когда, нагулявшись на Воробьевкѣ, на возвратномъ пути домой, стали мы спускаться съ горы.

— Все то же, да мы-то съ тобой стали не тѣ.... Вотъ давича взошли на гору, да и запыхались.... А бывало—вздоръ! Эхъ, братъ!....

И Ѳедоръ Яковличъ глубоко вздохнулъ.

Да, мало ли что было, и прошло...! **Н. А—ВЪ.**

(Изъ NN 7, 8, 9, 10 и 11-го, Москвитянина, 1853 г.)

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound